

Сергей Слюсаренко

[НОВАЯ ЗОНА]
КРОМЕШНЫЙ СВЕТ

Апокалипсис-СТ

Сергей Слюсаренко

Новая Зона. Кромешный свет

«Автор»

2014

Слюсаренко С. С.

Новая Зона. Кромешный свет / С. С. Слюсаренко — «Автор», 2014 — (Апокалипсис-СТ)

Московская Зона. Место, куда стремятся искатели приключений со всего света. Военные держат Новую Зону под своим пристальным контролем. Однако череда совершенно неожиданных событий привлекает внимание Центра Аномальных Явлений. Кто и зачем уничтожает архитектурные памятники в Москве, кто и зачем ведет охоту на бывших сталкеров по всему миру? С этим предстоит разобраться группе Вадима Малахова. Привычная работа приводит группу к неожиданным открытиям, но даже смертельная опасность не заставит отступить, и настойчивость героев в конце концов приведет их к разгадке.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Слюсаренко

Новая Зона. Кромешный свет

© С.С. Слюсаренко

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Пролог

Кара-мот дышал тяжело, его бока вздымались и опадали, словно он только что прибежал сюда, в центр Москвы, из Мытищ. Ненависть поглощала его, наливая черные глаза синей кровью и заставляя сердце злобно стучать. Тремя средними лапами монстр скреб по старинному паркету, раздирая вековые дубовые доски. Человеческая фигура на фоне несуразной туши кара-мота, порождения Самаркандской Зоны, выглядела ничтожной и беззащитной. Нож в руках у человека был похож на игрушку, звериные когти были в два раза длиннее тонкого лезвия.

Человек озирался, он искал хоть какой-то путь для отхода. Сейчас он пытался улучшить момент и прорваться по лестнице наверх. Человек не обращал внимания на то, что лестница эта была одним из величайших произведений искусства, что помещения особняка, тесные для схватки, скорее напоминали роскошный музей. Человек хотел выжить. А зверь двинулся вперед. Он нервно хлестал шипастым хвостом по бокам, в костяных пластинках которых тускло отражался свет спрятанных повсюду прожекторов. Кара-мот присел и легко, словно и не было в нем пятисот килограммов стальных мускулов и двухсот килограммов панциря, прыгнул. На лету он махнул передней лапой и смел человека в сторону, как пушинку. Приземлившись на ступеньках, он полностью перекрыл путь к отходу. Страшные лапы скребли по перилам, словно их изящные линии бесили зверя.

Человек с трудом поднялся, а зверь, казалось, ждал этого, он хотел поиграть с добычей, как кошка с мышкой. Оттолкнувшись от лестницы с такой силой, что казавшаяся непоколебимой конструкция разлетелась обломками в разные стороны, кара-мот пролетел по воздуху, вытянувшись в убийственную струну. Еще не успев приземлиться на все лапы, нанес удар по человеку. Голова и левое плечо улетели в сторону и мерзко шмякнулись о стену. Остатки тела упали на залитый кровью пол, и несколько безобразных конвульсий сотрясли мертвую плоть. Зверь торжествовал, он стал в позу победителя над мертвым соперником и издал радостный вопль, от которого задрожали еще не разбитые стекла в окнах и посыпалась лепнина со стен. И словно завершая вопль, аккорд взрыва вплелся в прощальную песнь мутанта, вынося крышу, переборки и резные панели знаменитого особняка Морозова.

* * *

Месяц назад

Из совместного заседания комиссии ЦУМ и ЦАЯ. Протокол опроса Малахова Вадима Петровича

Комиссия (К.): Опишите кратко последние минуты перед тем, как возникла сфера.

Малахов (М.): В сложившейся ситуации я принял решение о том, что необходимо активировать взрывное устройство до того, как наши люди проникнут в штаб энампов.

К.: Вы были уверены в своих действиях?

М.: В силу сложившихся обстоятельств я был уверен, что, если я этого не сделаю, неизбежны катастрофические последствия. Я был уверен, что любые действия, кроме подрыва, приведут к потерям как личного состава, так и совершенно невинных гражданских лиц.

К.: Что вы подразумеваете под сложившимися обстоятельствами?

М.: Под сложившимися обстоятельствами я подразумеваю особую информацию, которой я владел после пребывания в пространственно-временном континууме. Детали я изложил вчера в письменном отчете.

К.: Грубо говоря, вы настаиваете на том, что вы были информированы о событиях, которые произойдут в будущем?

М.: Ничего грубого я тут не вижу. Я повторяю, что я знал, что будущее будет развиваться определенным образом, причем я знал точный сценарий, если цепь предыдущих событий будет неизменна. Событий, в которых так или иначе участвую я.

К.: То есть, вы настаиваете, что знаете, к примеру, итоги работы сегодняшней комиссии?

М.: Нет. Так как на определенном этапе я поступил не так, как я поступал в той, определенной реальности, то, естественно, все, что происходит после, уже никак не связано с тем развитием событий, о которых я был информирован.

К.: То есть?..

М.: То есть, о будущем я не знаю теперь ничего.

К.: Данные полиграфа подтверждают, что вы говорите правду.

М.: Я разве давал когда-нибудь повод усомниться в моей честности?

К.: Этого никто не утверждает. А что вы можете сказать о том факте, что вы единственный, кто выжил в том взрыве?

М.: Я ничего не могу сказать. Только голословное предположение, что мое длительное пребывание в пространственно-временном континууме коллективного сознательного состояния, возможно, активизировало некоторые скрытые резервы организма. Но это вопрос к медикам.

К.: Как вы видите свою дальнейшую работу в Центре Аномальных Явлений?

М.: Я не вижу причин что-либо менять. Надеюсь продолжить работу в составе группы «Табигон». Если честно, то и причин для своей отставки со стороны руководства не вижу.

К.: Но вы себе отдаете отчет, что именно из-за ваших действий на территории Москвы сейчас находится закрытая Зона?

М.: Мое личное мнение, что один человек не способен совершить столь глобальные изменения. Насколько я располагал информацией до момента катастрофы, вся цепь событий вела к глобальному катаклизму. Накапливалась критическая масса, скажем так. Нельзя было уйти из той самой Зоны, не прихватив с собой частицу ее. Зону принесли в Москву. И, как мне кажется, именно к таким выводам приближалось руководство обоих Центров. Я не считаю, что мнение руководства подлежит обсуждению.

Глава 1

Тихая Калуга, казалось, даже не заметила, что соседний мегаполис исчез. Жизнь в городе шла по-прежнему размеренно. Может быть, именно потому, что здесь было так спокойно, в Калугу решили перенести Центр Аномальных Явлений. Первое время пришлось довольствоваться не очень комфортным офисным зданием, пока под нужды Центра переоборудовали один из старых особняков. А пока аналитики Центра, проклиная сисадминов и всех программистов вместе взятых, использовали усеченную систему поиска информации, собранную наспех из персональных компьютеров, которыми набили один из выделенных кабинетов. Тельбиз, уставший от нудной технической работы, далекой от его основных занятий в Центре, с облегчением узнал, что объявлен сбор группы – впервые с момента взрыва. Прямо так, в рабочем халате, с обжималкой для витой пары в наружном кармане, он направился на встречу. В коридоре он столкнулся с Клавой Моисейчик.

– Клава, надеюсь, тебя не заставили восстанавливать автопарк? – весело спросил Герман. – У меня такое ощущение, что нас тут вообще уже за слесарей держат.

– Не бойся, Гера, переходные периоды сложны для всех и сложны в первую очередь необходимостью возвращаться к истокам. А это не только скучно, но и прискорбно. – Клава была явно погружена в какие-то свои мысли. – Не обращай внимания. Это я просто сейчас пыталась написать докладную записку о принципах построения психологической службы, вот и... расчувствовалась, в общем. Ты вообще в курсе, чего нас собирают? Так официально. Прислали под расписку приказ о сборе группы. Где та группа?..

– Ну, после того, как вдруг вместо тебя срочно назначили ВРИО руководителя Байкалова, я подумал, что наверху какие-то терки. – Тельбиз достал из кармана кусок кабеля и с недоумением посмотрел на него, видимо стараясь вспомнить, что он забыл соединить.

– Да брось, Гера, – махнула рукой Клава. – Ты сам должен понимать, что женщина – руководитель оперативно-исследовательской группы – это нонсенс. Мне все внятно объяснили, так что без обид.

Они распахнули дверь, на которой, к их удивлению, висела новенькая табличка «Таби-гон», и остолбенели. Там, словно ничего не произошло, сидел на краю своего стола Малахов и улыбался.

– Вадим! – Клава не выдержала и бросилась обнимать товарища. – Ты... ну...

Тельбиз, потрясенный неожиданным возвращением Малахова из небытия, тоже не сдерживал эмоций.

– А Бай, конечно, первый все узнал! – Герман увидел, что в глубине на неудобном стульчике сидел почему-то мрачный Дмитрий.

– И я! – раздался голос Рымжанова, который пристроился у окна. – Да мы только что вошли, ребята!

– Жизнь налаживается? – спросил Малахов. – Надеюсь, что в мое отсутствие вы не скучали?

– А что, есть сомнения? – Дмитрий поморщился. – Будешь проводить разбор полетов?

– Да ты что, Дима? – Вадим улыбнулся. – Все нормально, и тебе огромное спасибо, в первую очередь за то, что ты сработался с ребятами. И, надеюсь, они с тобой тоже.

– Вадим, давай лучше о деле, – вмешалась Клава. – Как будем строить работу на новом месте? Что начальство говорит?

– Начальство, видимо, говорит, что меня надо уволить, раз Малахов так разговор начал, – не унимался Байкалов.

– Дима, у тебя сегодня настроение плохое? – не выдержал Тимур.

– А чего это вы все взяли меня обсуждать! – Дмитрий вскипел. – Друг друга обсуждайте. Вон Малахова обсуждайте, он в коллективе работает, как слон в посудной лавке. Тимур, тоже мне конь-людоед, на себя посмотри, прежде чем на меня наезжать!

– Дима, ты что? – всплеснула руками Клава. – Успокойся.

– Нечего меня успокаивать! – Посмотрев на Германа, Байкалов добавил: – Лучше вон пишите с Тельбизом программы для сотовых!

Он вскочил и вышел, хлопнув дверью.

– Будем считать, что мое возвращение оказалось не совсем удачным, – сказал Малахов.

– А что произошло? – удивился Тельбиз.

– Нашему Ван-Хельсингу шлея под хвост попала, – объяснил Тимур. – Проспится, прогуляется и придет как ни в чем не бывало.

– Не думаю, – сказала Клава. – Мне не очень бы хотелось, чтобы такой психоз случился в какой-нибудь критической ситуации.

– Ладно, проехали, – заключил Малахов. – Давайте о деле. Вы, наверное, и без меня знаете, что направление нашей работы – это Москва, Московская Зона.

– И наш УАЗ, и «Тюбик» Байкалова, все осталось за кордоном, новое пока не светит, – сказала Клава с сожалением.

– А, тогда я его понимаю, – не удержался Герман, но, поймав взгляд Малахова, осекся.

– На тебя, Гера, – сказал Вадим с нажимом, продолжая смотреть на Тельбиза, – возлагается пока основная работа. Естественно, аналитический мониторинг.

– Да что там намониторишь? – фыркнул Герман. – Зону подгрести военные, там не то что мышь, комар через барьер не проскочит. И полное интернет– и радиомолчание.

– Ты не спеши с заключениями. Нужно тщательно отслеживать все, что хоть как-то связано с новой Зоной, со сталкерами и аномальщиной. Наша задача – предупреждать появление других Зон.

– И с чего предлагаешь начать? – спросил Тельбиз. – Уж больно размазана цель поиска.

– А это сейчас вы все поймете, нас Лазненко пригласил, сказал: на интересную беседу.

Генерал ждал группу в небольшом кабинете с экраном в полстены.

– Ну что, начинаем работу? – Лазненко кивком пригласил располагаться на креслах напротив монитора. – Сейчас Вадим в соседней комнате поговорит с одним человеком, а мы понаблюдаем. Не хочется нашего... э... гостя пугать большим количеством народа. Давай, Вадим.

Малахов вышел, и через секунду его увидели на засветившемся экране. Вадим сидел за столом, напротив него стоял пустой стул.

Экран мигнул и разделился на четыре разных окна, в комнате было несколько видеокамер, и теперь изображение от каждой из них выводилось одновременно. Дверь в углу открылась, опасно озираясь, в комнату вошел человек. Был он небрит, и на его помятом лице отражалось скорее безразличие, чем настороженность, типичная для человека, которого собираваться допрашивать. Сбитые берцы, по которым плакала свалка, завязанные вместо шнурков бельевой веревкой, тем не менее были хорошо начищены и блестели на фоне вылинявших камуфляжных штанов. Свитер с растянутым воротом и заплатками на локтях тоже говорил о скромных жизненных ресурсах человека.

– Садитесь, Майцев, поговорим, – предложил Малахов.

Человек попытался отодвинуть свой стул, но тот оказался закреплен намертво. Майцев хмыкнул и сел на краешек, напряженно выпрямив спину.

– Я же сам к вам пришел, что же вы меня, как босяка, допрашиваете? Стульчик вон привинтили. – Майцев говорил сипло, словно посадил голос долгим криком.

– Майцев Вячеслав Константинович, – начал Малахов по протоколу, – бывший сталкер, кличка «Занос». Все правильно Вячеслав Константинович?

– Лучше зовите как привык, Заносом. Все правильно, – мрачно ответил сталкер.

– Расскажите, что привело вас к нам?

– Вообще я пришел не к вам, а в полицию... Ну, не совсем пришел...

– Расскажите все по порядку, про полицию можете забыть, наша структура помогает таким людям, как вы. С вами все будет хорошо. – Тон Малахова изменился. Он говорил мягко и успокаивающе. Монитор полностью переключился на лицо сталкера, крупным планом со всех ракурсов.

Вблизи сталкер выглядел еще хуже. Под недельной щетиной на лице была заметна незажившая длинная ссадина на щеке, а пучки торчавших из ушей волос придавали ему совсем неухоженный вид. Ожидая вопросы, Занос нервничал, его выдавал тик на левом глазу.

– Оно-то да, но вы-то про Зону мало что знаете...

– Я про Зону знаю не меньше вашего, не будем мериться опытом. Рассказывайте.

– Ну, в общем, – заговорил Майцев, – они меня сами нашли. Мы с корешами сидели как-то вечером, звонят мне. Мол, не хотите ли...

– Где сидели, кто звонил?

– Ну, эта... – Занос был не очень хорошим рассказчиком. – Я снимаю хату, ну, квартиру, тут, на Малинниках. Ну, иногда с друзьями сидим, вспоминаем.

– Друзья тоже сталкеры?

– Да нет, я один такой, перегоревший. А мы вспоминаем просто, как раньше жизнь была... Ну, не важно. В общем, звонят мне.

– В дверь?

– Да нет, мобила у меня есть, я что, совсем дикий? – возмутился Занос. – Ну и говорят, не хочу ли я подработать. Как человек Зоны.

– У вас мобильный контрактный или предоплата? Я это спрашиваю, чтобы понять, откуда они узнали ваш телефон. Вы его давали друзьям? Где он мог быть засвечен?

– Предоплата. И симка у меня новая, неделя всего... Я не люблю деньги зря платить. По акциям беру, когда, типа, возьми даром и тридцать рублей уже на карточке. Потом меняю. Вот раньше как было? Есть телефон, звони сколько хочешь, тока рупь двадцать плати абонплату.

– Как они представились? – перебил сталкера Малахов.

– Никак. Сказали, что есть работа, и предложили встретиться. На следующее утро я пришел, они сказали, что надо в центре на Победы, у афганцев. Ну, там мужик был, такой солидный, но не из органов, я сразу понял.

– Вы хорошо знакомы с органами?

Одна из камер наблюдения изменила ракурс, показав крупно Вадима, и потом опять повернулась на сталкера.

– Он сказал, что представитель зоологического общества, – продолжил сталкер, не отвечая на вопрос, – и что я им нужен как зверолов. Я, конечно, сказал, что они с дуба упали. А этот ботаник сказал, что платят хорошо. И сумму назвал.

– Какую?

– Нормальную, – с нескрываемым превосходством и ехидством ответил Занос. – Я в Зоне бобы лопатой греб и знаю, что такое хорошая оплата. Ну, я и решил, что раз они думают, что я могу быть звероловом, то пусть думают. Согласился и взял аванс. А этот, ну, заказчик, сказал, что завтра за мной заедут, все объяснят и к месту доставят.

– Вам сказали, куда вас повезут?

– Вот тут и началась ерунда. Сказали, что, мол, тут недалеко, а на деле... В Полесскую Зону отвезли.

– А как вы проходили периметр?

– Никаких проблем, мы туда на грузовике приехали, с тентом такой, наверное, ЗИЛ, я плохо рассмотрел. На периметре вояки просто рукой махнули, как мы проезжали. Даже не останавливали.

– Вы хотите сказать, что периметр Зоны, особо охраняемый объект, вы проехали без проверки?

– Все можно купить и продать, неужели не знаете? – Занос осклабился.

– Итак, в Зоне вам объяснили задачу?

– Объяснили, конечно. Лепрата выследить и загнать.

– Лепрат – это...

– Скотина такая, вроде кабана, мутант страшный. Мало того, что у него клыки, как... – сталкер развел руки, как обычно рыбаки показывают размер выуженной рыбы, – так он еще и прыгает, как коза. Если его лежку прозевать, распорет тебя в прыжке, как воздушный шарик.

– И вы взялись за эту работу?

– Взялся. Мне понятно объяснили. Пушку достали и объяснили. Я и понял, что влип. – Сталкер скривился. – Попал, как пацан!

– Загнали вы им этого лепрата?

Сталкер пожевал губу, сморщил нос и вяло ответил:

– Сказал, чтобы сидели в засаде со своими ружьями, ну, с усыпляющими стрелами, мол, я на них зверя выгоню. Но что я, сумасшедший, с бейсбольной битой на лепрата? А они мне оружия-то не дали... В общем, я тихо слинял, ушел из Зоны.

– Как ушли? Расскажите, как вы периметр проходили?

– Я вот сейчас все брошу и буду рассказывать, как я периметр проходил, да? – Занос нервничал. – Свалил, и все. Вернулся домой, а там эти меня уже возле дома ждут. В общем, понял я, что не жилец. Вот и пошел к вам.

– Не к нам вы пришли, а в полицию. А мы не полиция.

– Так что, мне никто не поможет? Я же выйду отсюда, и все! Отпрыгался Занос, порежут на кусочки.

– Не беспокойтесь, мы можем вам предложить на некоторое время защиту, ну и можете поработать у нас в Центре, у нас есть служебное жилье в закрытой зоне.

– Не верю я в ваши защиты, – недовольно пробормотал сталкер.

– Дело ваше, подумайте денек-другой. – Малахов встал, показывая, что разговор окончен, и вышел из комнаты и из поля зрения камер.

– Ну и что скажете? – спросил Лазненко, когда Вадим вернулся в кабинет.

– Богатые буратины решили открыть себе экзотический зоопарк? – предположил Герман.

– Ну, пока других идей нет, – кивнул генерал. – Не на мясо же им нужна эта тварь? Но я думаю, что этот эпизод может положить начало большому делу. Подумайте над этим...

Глава 2

Далеко на Ближнем Востоке

Абдуль ибн Ляхейдан скучал. Послеобеденный кейф не приносил ему того спокойствия и умиротворения, как раньше. Поток воздуха из кондиционера разгонял облако от шиши. Это тоже не радовало Абдуля – он любил погружаться в грезы в плотном дыму кальяна. Шейх не знал, чего захотеть, и это его мучило. Что-то в нем угасало, он это чувствовал.

Шитые золотом шелковые подушки на лебяжьем пуху казались неудобными и твердыми, шейх все никак не мог улечься, чтобы расслабиться, от дыма кальяна першило в горле и казалось, что мундштук стал горьким. Абдуль отшвырнул ногой в сафьяновой туфле подушку и прошелся по ковру. С раздражением он заметил, что на ковре есть маленькая пропалина. Ковер стоил, как дорогой автомобиль, и тут слуги допустили такое. Шейх решил немедленно покарать прислугу и сделать это особо жестоко. Его всегда развлекали зрелища телесных наказаний, и сейчас он двинулся прочь из зала отдыха, чтобы лично найти виновного. Но по пути в отделение прислуги Абдуль решил посетить гарем. Тем более женская половина была ближе. Он распахнул дверь и остановился. Абдуль вспомнил, что Аиша сегодня недоступна, а остальные жены, толстые и лоснящиеся от достатка, сейчас его не интересовали. Он так же решительно захлопнул дверь. К слугам идти уже не хотелось, и шейх вернулся к кальяну. К умиротворяющему дыму и миру забвения.

Из безысходного транса Абдуля вывел тихий звонок колокольчика. Это значило, что его секретарь, Абделла Рияд, преданный сириец, просит разрешения войти.

– Войди, Абделла, расскажи мне новости, – не повышая голоса, произнес шейх. – Я рад, что ты не покидаешь меня в минуты раздумий.

Низко кланяясь, вошел секретарь. По негласному закону, в помещениях нельзя было появляться в европейской одежде, и мощную фигуру Рияда полностью скрывал белоснежный балахон. Секретарь шейха не только выполнял секретарские обязанности, он был самым надежным его телохранителем.

– Я искренне сожалею, ваше высочество, но дело не терпит отлагательства. Я выполняю вашу волю сообщать о таких в любое время суток.

– Не стоит извиняться, дорогой, я же знаю, что ты не побеспокоишь меня по пустому поводу. Говори.

– Как вы и предполагали, жадность неверных не имеет границ. Ставки уже сделаны, и кяфиры вложили большие деньги. Искандер прислал отчет и просит вашего согласия присутствовать на празднике.

– Надеюсь, сумма ставок достаточная, чтобы беспокоить меня?

– Более чем.

Шейх согласно кивнул. Он взял в губы мундштук кальяна, и новые волны дыма заполнили его покой. Шиши под строгим контролем Абделлы всегда готовили только с чистым табаком, без всяких ароматов и добавок.

Секретарь терпеливо ждал. Отвлечь хозяина от сайдама он не посмел бы даже под угрозой смерти.

Абдуль затаился, томно поднял глаза к небу и тяжело вздохнул.

– Скажи им, что я приеду. Но потом.

– Понял, господин. Тогда позвольте, господин, может, вас заинтересует...

– Что еще?

– Это может скрасить ваше ожидание итогов, вот посмотрите, – секретарь двумя движениями пальцев вывел на своем планшете нужное изображение, – японские дикари сделали новый телевизор.

– Я не смотрю телевизор, милый мой Абделла, ты же знаешь...

– О, да обрушится на меня небо, да не придет ко мне ни одна гурия в раю, я не смел и подумать о телевидении! Мы можем включить трансляцию, и вам не будет скучно.

– Сколько?

– Триста дюймов, органические светодиоды, это самая передовая технология кяфиров, новый стандарт четкости, – стал сыпать данными секретарь. Могло показаться, что он сам давно мечтал о таком телевизоре.

– Стоит сколько?

– Это только что вышедшая модель, есть всего три экземпляра...

– Дорого?

– Очень, – уныло протянул Абделла.

– Это хорошо. Купи все три.

– Три?

– Да, один пусть стоит здесь, второй... Второй поставь у себя.

– А третий где прикажете?

– Третий разбей.

Секретарь, кланяясь и пятясь, покинул покои шейха, который закрыл глаза и, казалось, уже напрочь забыл о своем слуге.

– Вадим, мне кажется, я что-то нарыл. Заходи, посмотрим!

Малахов знал, что Герман любил рассказывать о своих результатах с помощью программных наворотов, которыми он загружал свой компьютер, и потому не стал возражать, а отправился к Тельбизу в его кабинет, больше похожий на вычислительный центр.

– Смотри! – Тельбиз жестом пригласил Малахова сесть рядом на рояльную табуретку, неизвестно как здесь оказавшуюся. Вадим, привычно сбросив на пол несколько сломанных «мышек» и пучок проводов, присел рядом с Германом.

– Я покопался в сотовом этого самого Поноса. – Гера, проведя пальцем по монитору, развернул таблицу с цифрами, которые ничего не говорили Вадиму.

– Заноса, – поправил он.

– Да какая разница, – отмахнулся Тельбиз. – Так вот, звонок с предложением работы поступил с совершенно открытого номера. Естественно, этот номер больше не отзывался. Обычная предоплатная карточка оператора. Купили, раз позвонили и выкинули.

– Это тебе помогло?

– Естественно. У самих ума хватит! Все просто. Я порыл по всяким базам, сделав одно предположение.

– Я знаю, ты умный. Что предположил?

– Предположил, что эти звероловы купили сразу кучу карточек для того, чтобы использовать их один-два раза.

– А что, по ИМЕИ вычислить трубку нельзя?

– Вот тут они оказались не лохи. В трубке ИМЕИ забит перепрошивкой, так что пришлось мне повертеться. – Герман сделал паузу и вывел на сенсорный экран длинный список номеров телефонов. – Я провел статистические вычисления.

– А проще?

– Проще некуда. Выудил номера сим-карт, которые продавались вместе с той, по которой этому Насосу звонили. А потом из них выделил те, с которых был произведен один звонок, и потом карточка просто выходила из работы, замолкала. Выявилось таких примерно десятков. –

Из списка стали один за другим исчезать номера. – И звонки сделаны примерно из одного места. – На экран выпала карта, которую Гера стал раздвигать, изменяя масштаб.

– Из какого?

– Да... примерно район Кубинки. – Палец уткнулся в место на карте.

– И что нам это дает?

– Ну, сама Кубинка ничего особенного не дает, но я пробил, кому они звонили. И тут интересное обнаружилось. В основном это были безликие, такие же безымянные номера. Но было два номера контрактных.

Герман открыл на экране два досье с фотографиями и подробными паспортными данными.

– И кто эти контрактники, я могу предположить...

– Да, бывшие сталкеры. Но есть еще одна интересная вещь. Ни один из адресатов сейчас не отвечает. Вне зоны.

– Смею предположить...

– Смей, смей! Их, скорей всего, постигла участь, которой избежал Навоз.

– В итоге у нас нет ничего? Кроме абстрактной Кубинки? – уныло спросил Малахов.

– Ага, ша! Не на того напали! Вот тут начинается самое интересное! – подошел к кульминации Тельбиз. – Первое: я вычислил точное время отключения тех сталкерских телефонов. И вот смотри, с чем я это сопоставил!

Гера пальцем перетаскивал цифры с исходными данными звонков на то место на карте, которое он только что отметил.

– Все очень просто, ты оцени. Это время отключения телефонов. А вот это – расписание чартерных рейсов, прибывших на военный аэродром Кубинки. Типа легкий бизнес военных по обслуживанию частных клиентов. Откуда-куда-зачем, даже я не смогу быстро найти.

– И что тут такого? Косвенные сведения, не дающие ничего полезного.

– Вадим, если бы я тебя не знал столько лет, ты бы мог меня провести этим заявлением. Сам понимаешь – уже есть откуда мотать клубок. Но это еще не все! Совершенно случайно я вот что нарыл! – Герман открыл новое окно. – Вот посмотри, ты знаешь эти дома?

Малахов стал изучать список адресов, но так и не понял, о чем идет речь.

– Поясни.

– Все просто, по этим адресам находятся: Доходный дом Исакова, один из шедевров арнуво, французского модерна. Доходный дом Перцовой, ну ты знаешь его. Дом-сказка на Пречистенской набережной, его создатель матрешки для себя строил. Особняк Дерожинской. Особняк в Хамовниках, работа Шехтеля. Особняк Рябушинского, тоже Шехтель, шедевр модерна. Особняк Морозова, ну тут тебе и рассказывать ничего не надо. Одни из самых известных зданий в Москве. Да они по всему миру известны как шедевры архитектуры. – Тельбиз словно фокусник вытаскивал руками из-за краев монитора фотографии особняков на середину экрана.

– Ну и?.. Ты мне архитектурный ликбез по старой Москве устраиваешь?

– Ну и, – передразнил Герман. – А вот тут под каждым зданием есть данные – дни, когда они были разрушены!

– Оп-па!

– Теперь все понятно?

– Нет, не все. Но понятно, где надо искать хвосты.

– И крылья, и лапы.

Лазненко внимательно прочел докладную и, отложив бумаги в сторону, вопросительно глянул на Вадима.

– Я правильно тебя понял? Надо идти в Москву?

– Да, Николай Петрович, иначе мы так ничего и не поймем.

– Вадим, но... Москва это Зона, и просто так вас послать я туда не могу. Судя по докладам военных, там и вправду все слишком серьезно и непредсказуемо.

– А они не могут дать проводника?

– Военсталкеров еще не появилось, – с сожалением ответил генерал. – Надо искать кого-то из... ну, не военных.

– Сталкера-одиночку?

– Конечно. И, в общем, я бы не хотел, чтобы на начальном этапе твоего расследования была утечка информации к военным. Как-то они лихо вцепились в опустевшую Москву. Считают, что это сугубо их территория.

– А этот Занос нам не поможет, мне кажется.

– Ты прав, Вадим, но я думаю, что можно его использовать. Он явно знает сталкеров, знакомых с Москвой.

– Мне поговорить с ним?

– Да, и... в общем, пообещай ему что-нибудь хорошее. Но только после вашего возвращения. – Лазненко улыбнулся.

Глава 3

Кафе с игривым названием «Колобки» притаилось в полуподвале одной из многоэтажек спального района Калуги.

Рымжанов, оглянувшись, слишком уж место было недружелюбное, толкнул дверь. Внутри это заведение напоминало не кафе, а, скорее, пивную из далекого прошлого. Несмотря на полный запрет курения в общественных местах, в зале висел плотный сизый дым, и не только от табака. Косые лучи светильников на потолке прорезали сизую атмосферу. Когда Тимур вошел в зал, неровный гул голосов на мгновение затих. Немногочисленные посетители повернулись в сторону Рымжанова и, не найдя в его облике ничего интересного, отвернулись, вперив взгляды в бокалы с пойлом, похожим на пиво. Тимур не спеша двинулся к барной стойке, спрятавшейся во мраке в дальнем углу «Колобка».

Бармен, толстый неопрятный мужик, тер стойку тряпкой не первой свежести. Чистоты на поверхности эти действия не добавляли.

– Добрый день, – вежливо поприветствовал Тимур хозяина.

Бармен не повел бровью.

– Где мне найти Бубо, сталкера?

– Тут не подают, – в никуда ответил бармен, даже не глянув на Рымжанова.

– Ты, работник общепита! От этого бара несет Зоной за версту. Вообще мне кажется, что все наливайки, где тусуются люди Зоны, одинаковы... Повесь вывеску типа «Бар «200 рентген в рюмке».

– Чё? – В глазах толстяка промелькнул намек на заинтересованность.

– Конь через плечо.

– Не заказываешь – нефиг стулья тереть! – промычал бармен.

– Налей на два пальца прозрачного.

У бармена, казалось, просветлилось в голове, он автоматическим движением выкинул на стойку граненый стакан и плеснул туда из бутылки без этикетки.

Тут Тимур почувствовал, что позади него на некотором расстоянии остановился человек, но виду не подал. Он опрокинул стакан и передернулся. Напиток был явно не лучшего качества, сивуха шибанула в нос.

– Что же ты за сталкер такой, если тебе наша водка не нравится? – мрачно произнес голос за спиной.

– Кто тебе сказал, что я сталкер? – не оборачиваясь, спросил Тимур.

Человек, подошедший к Тимуру, был высок, мускулист, слегка заплывший жиром и с хорошо сформированным пивным пузом. Он, полагая, что имеет полное физическое преимущество над стройным худощавым Тимуром, положил тяжелую ладонь на плечо Рымжанову.

– Ты чего, мужик? – взвыл здоровяк, когда Тимур припечатал его лицом в стойку бара.

– Я – ничего, – ответил Тимур и ослабил захват вывернутой внутрь кисти. – А ты чего?

– Пусти, пусти, – взмолился толстый. – Я же просто поговорить хотел.

– Говори, – сказал Тимур и рывком усадил собеседника на табуретку рядом с собой.

Толстяк залпом выпил спиртное, которое услужливый бармен налил ему, не спрашивая, видимо, как завсегдатаю заведения.

– Если ты пришел сюда сталкеров искать, зачем так нервничаешь?

– Не люблю, когда ко мне сзади подходят, не представившись, – строго ответил Тимур.

– Я Бряк, меня тут все знают.

– Мне Бубо нужен. – Тимур представляться не стал.

– Ну, мужик, ты же сам сталкер, не понимаешь, что так просто стрелки не забиваются.

– Я не сталкер.

- Сам же говорил, что в Зоне был! – удивился Бряк.
- В Зоне не только сталкеры бывают. Я там на экскурсии был.
- Не хочешь, не говори, – обиженно сказал Бряк. – Бубо тебе зачем?
- Я ему сам скажу зачем.
- Ну, тогда сам и ищи его. – Бряк встал и ушел в глубину кафе.
- Зря ты Бряка обидел, – внезапно обнаружил дар речи бармен. – Он безобидный мужик, в Зоне долго был, вот и волнуется, когда про нее слышит.
- Я тоже нервный. – Тимур постучал ногтем по стакану, намекая на следующую порцию.
- Бармен сдержанно кивнул, убрал стакан и поставил перед Тимуром аккуратную стопочку, наполнив ее желтоватой жидкостью из бутылки с надписью на этикетке «Laphroaig 10». Торфяной аромат подсказал Тимуру, что теперь его обслуживают честно.
- О! – Тимур одобрительно кивнул. – Так что, Бубо не ждать?
- Иди в зал, посиди, может, и придет. – Бармен был сама вежливость. – Картошечку жареную будешь?
- И отбивную.
- С кровью, – как само собой разумеющееся добавил бармен.
- Совершенно неожиданно и картошка оказалась хорошо поджаренной, и отбивная была великолепной. Пиво принесли как дополнение по определению. Видно было, что Рымжанов завоевал расположение бармена.
- Ждать долго не пришлось. В тишине раздался скрип двери в глубине зала. Худой мужчина спортивного телосложения в тренировочном костюме и босоножках поверх черных носков направился прямо к столу Тимура.
- Искал?
- Я искал Бубо.
- Ну, нашел. Что надо?
- Мне проводник нужен. Мне и моим друзьям.
- Куда проводник?
- По Москве погулять.
- А я тут при чем?
- Ты и поведешь.
- Такой самоуверенный? – Бубо не глядя взял в руки пиво, которое услужливая прислуга немедленно принесла на стол.
- Нет, информированный.
- Аргументируй.
- Рымжанов достал из кармана рубашки жетон, который дал Занос.
- Это аргумент. Не у каждого есть такая штучка. Номерок из ресторана «Прага». – В голосе Бубо промелькнули ностальгические нотки. – Тебя что, надо провести в Москву?
- Да нет, за кордон мы законно пройдем...
- Сталкер подобрался, словно увидел в своей кружке шестиметровую кобру.
- Ты что, из федералов? – прошипел он.
- Нет, у нас научная группа, мы имеем право на проход в Зону. Нам нужно...
- Научники, ети его мать! Натерпелся я от вас... – Бубо, понимая, что заработок уходит из рук, стукнул бокалом о стол. Пена выплеснулась прямо ему на спортивную куртку.
- Успокойся, Бубо, все не так, как ты думаешь. Мы не научники. Просто у нашей организации оказались заблокированными в Москве документы и результаты исследований, которые необходимо вывезти. Имеем на это официальное разрешение, – спокойно заверил Рымжанов. – А сам понимаешь, без сталкера по Москве не пройдешь.

– Ладно. – Бубо расслабился. – Раз ты показал номерок, а его, я надеюсь, ты знаешь, только человек из московской гильдии сталкеров может добыть, я тебе поверю. Но одно: слушаться меня беспрекословно!

– Кто спорит! – очень убедительно сказал Тимур и поднял бокал с пивом в знак заключения сделки.

– Нет, это не по-людски!

Сталкер щелкнул пальцами, немедленно прибежала расторопная девка и поставила на стол запотевшую бутылку водки и две стопки.

– Так, давай о деньгах, а потом отметим. – Бубо не стал разливать, а строго глянул на Тимура.

Рымжанов достал из кармана прямоугольник плотной бумаги с цифрами и положил его перед сталкером.

– Вот почему вы, ученые, всегда не с того конца разговор начинаете? – повеселел Бубо и спрятал бумажку в карман. Недрогнувшей рукой ловко разлил водку в стопки, которые, как и бутылка, немедленно покрылись холодным потом.

Крякнув и закусив картошкой, которую он взял из тарелки Тимура пальцами, сверкнув черной каймой под ногтями, сталкер оживленно продолжил:

– Теперь по правилам. Как кордон пройдем, сразу на мою заимку, с голыми руками я не собираюсь по Москве шастать. Транспорт у вас хороший?

– Куда лучше, «Лада Калина».

– Слушай, извини, как тебя зовут?

– Тимур.

– Так вот слушай, Тимур, ты хоть понимаешь, что такое Москва?

– Ну да, столица нашей родины.

– Ага, щас! – воскликнул сталкер. – Не забудь, что сейчас в Москве столько нелегалов, охотников за легкими деньгами, что нам там уже делать нечего. Со всего мира лезут, хотят последний кусочек с умирающего города содрать! Слова по-русски сказать не могут, а уже хозяева! Как ты на своей «Ладе» через город, полный мутантов, попрешься? Подумай.

– Да нам-то всего до нашего Центра, ну, научно-исследовательского, доехать. По центральным улицам. Днем. И все. – Тимур старательно исполнял роль простака.

– Так, хрен с ней, с твоей «Ладой», но первым делом в мой схрон! Я с голыми руками – ни шагу.

– А схрон где?

Сталкер так посмотрел на Тимура, словно он спросил что-то крайне интимное и неприличное.

– Я сказал – будете выполнять все мои указания. Половина суммы вперед!

– С собой не брал, – сказал Тимур.

– Перед выездом дашь. Сколько вас там народу едет?

– Четверо. Шофер наш.

Сталкер сделал движение губами, словно жевал муху, и произнес:

– Тока за бухло ты платишь.

Глава 4

Далеко в Средиземном море

Яхта «Озарение» практически не чувствовала легкой ряби и умиротворенно дрейфовала на траверзе Гераклиона. Исакович не захотел сопровождать свою подругу на шопинг, он считал, что покупать шубу в Греции – это какой-то махровый пережиток совка. Поэтому, устроившись в шезлонге у бассейна, он лениво потягивал портвейн «Приморский» из граненого стакана. На службе у него было пять лучших в мире сомелье, причем один из них даже был здесь, на яхте. Его винные погреба во Франции и Чили стоили миллионы долларов, но вот в такие минуты, когда Гриша Исакович оставался наедине, старая привычка выпить «Приморского» портвейна именно из граненого стакана давала о себе знать. Фляга из-под молока, старая, советская фляга, в которой развозили молоко по гастрономам, была приобретена на eBay и использовалась для личных запасов «Приморского». Гриша понимал, что это психоз, что от этого пошла портится печень и что от вредных привычек надо избавляться. Но только шмурдяк возвращал его в воспоминаниях в те времена, когда жизнь Гриши была беззаботна, лиха и счастлива. Вкус портвейна, простой и вульгарный, как ему объяснили сомелье, вызывал такую ностальгию, светлую и непорочную, что Исаковичу казалось, что и вправду вся его жизнь была светла и непорочна.

– Григорий Семенович, к вам посетитель. – Секретарь Исаковича стоял на почтительном расстоянии, зная, что беспокоить шефа в такие минуты можно только в крайнем случае.

– И что я должен думать? – возмутился Гриша. – Я сижу тут отдыхаю и даже не услышал, как к нам пришвартовался катер? Или он меня ждет уже третьи сутки с тех пор, как мы были на берегу?

У секретаря отлегло. Если шеф так разговорчив, то он по крайней мере заинтересовался.

– Григорий Семенович, я бы не посмел вас беспокоить, если бы не тот факт, что посетитель прибыл к вам на... – Последовала театральная пауза. – Не прибыл к вам на подводной лодке.

– О боже ж мой! Таки нам еще не хватало тут колумбийцев! – весело воскликнул Исакович. – Хотя какие колумбийцы! Они же не переплывут на своем корыте океан! Это Мутник! Я вам точно говорю, это таки Мутник! Пусть он приходит, только пусть не спешит – мне тут надо навести порядок!

Исаковича европейская, а особенно английская пресса всегда называла самым богатым русским из живущих в Англии. Изумрудные копи в Сибири, нефтяные терминалы в южных и северных портах, две хоккейные команды в Канаде и Бразилии, самая элитная недвижимость по всему миру и вот эта новая игрушка, яхта «Озарение»... Спроси сейчас у Исаковича, откуда он взял все эти несметные богатства, за несколько лет превратившись из молодого специалиста в миллиардера, он бы и сам, наверное, не смог объяснить, даже если бы был откровенно честным. Так вышло, эпоха требовала, чтобы кто-то стал богатым и богатство это было публичным. Но сейчас, когда напряженный период накопления капитала прошел, Гриша мог себе позволить жить в свое удовольствие, доверившись опытным управляющим, имиджмейкерам и своим людям в нескольких правительствах. Одним из таких шерпов в правительстве одного из крупных евроазиатских государств и был Антон Мутник, приятель Исаковича еще по старшим классам средней школы, по совместительству олигарх в области торговли вооружениями в страны третьего мира. Гриша знал его склонность к театральным поступкам и появлениям и поэтому правильно угадал, что именно Сема Мутник может завалиться к нему на подводной лодке.

– Ой, Гриша, как же я по тебе соскучился, – обнял Исаковича Мутник. – Портошу пусть не убирают, я тоже хочу!

Никогда Мутник не говорил о делах прямо и с ходу. Гриша знал это и тоже не спешил. Тем более, что ему было приятно посидеть вот так, по-простецки, как в старые времена, за стаканом портвейна.

– Гриша, и не скучно тебе на этом корыте сидеть? Один, без друзей. – После первого стакана Сема откинулся в глубоком кресле и сладко потянулся.

– Ну, не всем же на подлодках по морям плавать. Мы люди мирные...

– Ага, а морпехи английские прикрывают и система ПВО, это мирно? – хитро глянул Мутник.

– Ну, Сема, ты же знаешь, какая сейчас сложная обстановка в мире? – развел руками Исакович. – Мне что, нужно ждать, когда какой-нибудь сумасшедший араб с бомбой подплывет на лодке или вообще какая-нибудь маленькая, но гордая республика захочет вернуть свою нефть? Ты меня прямо удивляешь.

– Ни боже ж мой, Гриша. Все правильно. Но скучно. Твой секретарь пулю пишет? Слушай, давай раскинем картишки, а? По копейке вист, не жадничая. – Сенья оживился.

Грише эта мысль пришла по душе. Секретарь играл, правда, зная повадки начальства, не любил играть на деньги. Но Исакович пообещал, что он, если что, оплатит весь проигрыш секретаря, и игра состоялась. Играли сочинку, старательно нарисовав на бумаге нужные линии и вписывая туда неровным почерком цифры.

– Не чуешь ты мировых трендов, Гриша, – внезапно произнес, записывая висты, Мутник. – Ой, не чуешь.

– Это с каких таких... ты делаешь такие выводы? – наострил ухо Исакович. – Я что-то проспал?

– То-то и оно, что еще немножко, и проспичь. – Семен следил за тем, как секретарь сдает, успевая заметить отражение карт в стеклянной поверхности стола. – Мир меняется. Ой, как меняется.

– Да ты не мути...

– Ну, послушай, Гриша, почему ты никак не отследил Московскую Зону, ты что, думаешь, ее просто так сделали? – Сема положил карты на стол и внимательно и строго посмотрел в глаза Грише.

– Принеси-ка нам орешков, – отослал секретаря Исакович, понимая, что сейчас будет озвучено что-то очень важное, и недовольно буркнул: – С каких пор ты при моих слугах о делах говорить начал?

– А еще никаких дел не было. А секретарь твой все равно через час будет рыть в сети все про Зону, так что никаких сливов пока не было, – спокойно объяснил Мутник.

Гриша молча пожевал ус, что он делал в минуты особого волнения. Если Мутник говорит о чем-то Исаковичу неизвестном, значит, он, Гриша, где-то что-то продолбал. Исакович отхлебнул портвейн из стакана, уже порядочно залапанного сладкими пальцами, и произнес:

– Так что там у тебя с этой Зоной?

– У меня с Зоной все пучком, а вот ты, дорогой Гриша, крайних пасешь. Ты что, думаешь, Зона это просто так?

– Я всегда думал, что это природная катастрофа, – ответил Исакович. – И что там жить нельзя.

– Думал он! Гриша, это ты у меня природная катастрофа. Зона – это новое устройство мира. И ты что, думаешь, вот так всю Москву закрыли на замок и отдали на откуп мутантам?

– Так, Сема, давай по делу, да? – Терпение Исаковича лопнуло. – Или ты таки меня хочешь, как нашкодившего кутенка, носом в лужу тыкать?

– Гриша, дорогой мой, я хочу твоего процветания. Мы с ребятами поняли, что ты не просек фишку, вот меня и попросили тебя просветить. Ты слишком много времени сидишь тут на яхте, мало лазишь в интернет и вообще не бываешь дома. А это неправильно.

– Не нуди, давай конкретно.

Гриша позвонил в золотой колокольчик, который все время стоял на столе. На звук прибежал слуга. Исакович сделал жест, обведя стоящее на столе вялой ладонью. Слуга все прекрасно понял. Через секунду на столике уже сверкала бутылка виски и стояла коробка дорогих сигар. Время ностальгировать кончилось, и серьезные разговоры нужно говорить под серьезные напитки.

– А конкретно, – Сема, оставив ненавистный ему в действительности портвейн, сделал большой глоток виски, – то, что надо прорабатывать Москву.

– И что там прорабатывать? Разбитые стекла и кирпичи перепродавать? Или что там еще осталось?

– Ой, Гриша, ты таки тут расслабился, – сверкнул золотым зубом Мутник. – Одни только редкоземельные металлы, брошенные НИИ химии поверхности, тянут на полтора лярда. За половину этой суммы тебя наши любимые вооруженные силы туда отвезут и оттуда привезут.

– Дорого.

– А ты не плати вперед. Пацан, что ли? Но не в том, если честно, сокровища Москвы. Москва как была местом, где вертятся деньги, так и осталась.

– Ага, на прием в Кремль надо только пойти, да?

– Ну, ты очень близок к истине, Гриша, очень, – улыбнулся Мутник. – Где ты только такой вискарь хороший покупаешь? Дай адресок.

– Дам, потом. – Грише было не до шуток, он не мог уловить сути предложения Мутника. Он вообще ничего не мог уловить. – Ты конкретнее можешь?

– Гриша, ты таки будешь смеяться, но сейчас именно в Москве собирается некий элитный клуб. Ну не в том смысле, что на стрелку туда съезжаются, а в ином, гораздо более серьезном.

– И?..

– Ну, как бы тебе попроще объяснить? Есть один человек. Очень богатый. Не пыжся, ты по сравнению с ним поц с дырявыми карманами.

– Эмир Бухарский, как же... – фыркнул обиженный Гриша.

– Нет, шейх эмиратский, – без тени улыбки на лице произнес Семен. – И у этого шейха в Москве очень серьезные дела. И дела он эти делает с кучей серьезных, ну, в смысле денег, людей.

– Ну, так что мешает и нам с ним потолковать, с шейхом? Нефть опять?

– Экий ты, Гриша, прямой, как линия партии. Нефть – это пшик! Нефть сгорит, а мы останемся.

– Что, драгметаллы, брюлики? Венчур? Ты, Сема, сегодня загадочен.

– А потому я загадочен, что прямо сказать не могу. Ибо прямо о делах шейха говорить не принято. И вступить в его клуб просто так нельзя.

– Не можешь говорить – не говори. Чего небо трясти, – обиделся Исакович.

– Сядь ближе, – попросил Мутник.

Визжа ножками кресла по кафелю у бассейна, Гриша подвинулся поближе к товарищу.

– Вот смотри, – достал свой айфон Семен. – У меня труба защищена, потому могу показать.

Гриша внимательно смотрел на экран, не проронив ни слова. Мутник полистал несколько страниц, выводя одну картинку за другой.

– Да, это таки ценность вечная. – Исакович отъехал на кресле чуть в сторону, чтобы, когда секретарь вернется, у того не возникло ненужных подозрений. – И что ты мне предла-

гаешь? Поддаться общему психозу? Ты же знаешь, я больше этим, – Гриша кивнул на стол, – не увлекаюсь.

– Ни боже мой. Но начинать надо с малого. Гриша, я же к тебе не просто так! Впервые шейх сам туда приедет. Там все будет по высшему классу. Приглашенных не более ста человек. Приедешь, познакомишься. Пыли немного в глазапустишь, правда, с шейхом тебе не тягаться. И учти, шейх, по большому счету, у нас в руках может оказаться. Со всем бутером.

– Это как?

– А так, его же технически обеспечивает Пенкин. А этот фраер у нас есть будет с рук и прихлебывать с... ну, ты понял.

– Подумаем... – Гриша увидел возвращающегося секретаря и прекратил разговор.

Глава 5

– Это что такое? – Бубо обошел машину с таким выражением лица, словно осматривал мертвую жабу больших размеров. Он увидел, что за рулем сидела женщина. – У вас, научных, что, совсем с мозгами плохо? Вы вообще понимаете, что мы едем в ЗОНУ?

Стакер посмотрел на Малахова так, что, казалось, сожжет всех, включая машину с водителем.

– Садись, поехали, так надо. – Вадим не стал вдаваться в подробности.

Бубо с гробовым молчанием втиснулся на заднее сиденье и сразу уставился в окно, демонстративно не глядя ни на Моисейчик, ни на остальных членов группы. Клава, улыбнувшись уголками губ, осторожно тронула машину и до самого КПП старалась вести ее аккуратно и бережно. Герман делал вид, что спит, а Тимур хранил буддистское спокойствие.

КПП на кордоне выглядел неприветливо. Из бронированной будки, примыкающей к трехметровой стене барьера, вышел человек в титановой полусфере и бронежилете, с автоматом в руке и издали жестом приказал остановиться.

– Выйти из машины, руки держать за головой, – проревел рупор на здании КПП. Человек с автоматом стоял, держа машину под прицелом.

– Сидите, – тихо сказал Вадим, – я сам.

Малахов сбросил куртку, чтобы было видно, что он без оружия, взял спецпропуск и повернулся в сторону военных. Он поднял обе руки и помахал пропуском.

– У нас разрешение на въезд в Зону! – громко, так чтобы его услышал охранник, сказал Вадим.

– Стоять где стоишь, – раздалось в ответ.

Военный достал рацию и связался с начальством, потом, получив инструкции, закричал:

– Пройди десять шагов, положи пропуск на землю и отойди к машине!

Пока Вадим выполнял указания, из КПП вышли еще двое вооруженных людей. Они стали чуть позади первого. Тот дождался, когда Малахов вернется в машину, и, не спуская с него глаз, двинулся к пропуску. Двое других в это время не опускали оружия. Вадима эта показная настороженность веселила, но виду он не подавал.

Подобрав документ, первый охранник оправился к начальству в домик КПП, остальные все так же грозно смотрели через прицелы автоматов на Вадима и на автомобиль.

Военные совещались минут пятнадцать, потом из здания КПП вышел солдат без оружия, в потертом хэбэ с расстегнутым воротом и без головного убора. Типичный разгильдяй. Он подошел, нагнулся к водительскому окну. Увидев за рулем женщину, отскочил как ужаленный, обошел автомобиль сзади и склонился теперь к другому окну, где сидел Малахов.

– Вот ваш пропуск. – Солдат протянул Вадиму бумагу. – Езжайте, начальство дает добро. Сказали, чтоб от маршрута не отклонялись!

– Крутая у вас ксива, – пробормотал Бубо. – Вон как вояки топорщились, пока не поверили. Видать, непростая ваша контора.

– Да проще некуда, – ответил Тельбиз. – Надо закон чтить, и все получится.

– Так! – В голосе сталкера вдруг прорезались командирские нотки. – Теперь слушайте сюда. Ехать по осевой. Не спеша.

– Есть, кэп! – бодро отрапортовала Клава. – Куда едем, дорогу покажешь?

– До проспекта Мира, потом по нему к ВДНХ.

– Понятно, – ответила Клава и вжала педаль газа в пол.

– Э!!! – завопил Бубо. – Ты с ума сошла, мы же в Зоне!

– Не бойсь, нас Клава не первый год возит, – остановил его Тимур. – Держись только крепче.

«Лада» неслась по московским улицам, как желтый призрак. Пустые дороги позволяли выжать из форсированного движка все возможные ресурсы. Прекрасный обзор позволял Клаве упреждать каждое препятствие. А препятствий хватало. Брошенные машины за несколько месяцев превратились в ржавые остовы, словно стояли здесь веками. Разметка на дороге по непонятным причинам изменила свою конфигурацию и вместо ровных, организующих движение линий превратилась в загогулины абстракциониста. Местами сквозь прочнейшее покрытие московских дорог пробивалась поросль нездешних трав и кустов. Бетонные стены торчали из раскрытых канализационных люков, словно кто-то большой выталкивал их из-под земли. Но Клава была тем водителем, который в таких условиях только куражится, не принимая всерьез эти преграды. Бледный от ужаса Бубо вжался в сиденье. Видимо, со скоростью двести километров в час по московским дорогам он никогда не ездил.

– А на ВДНХ куда? – Клава оглянулась, не сбрасывая скорости.

– А-а-а! – простонал Бубо, тыча пальцем вперед на оставшуюся от блокпоста бетонную плиту.

– Видела. – Клава чуть качнула руль, объезжая препятствие. – Ехать куда, Сусанин?

– К статуе «Мосфильма». – И, увидев недоуменный взгляд, добавил: – Работница и колхоз.

– Ясно, косноязычный ты наш. – Клава повернулась к дороге. – А там где?

– Там музей был, в постаменте, бабы какой-то...

– Вот где вас, высокообразованных сталкеров, только находят, – фыркнула Клава. – Там музей Мухиной был!

– Ну, так бабы, а я чё? – недоумевал Бубо. – Вам бы, местным, все бы из себя грамотных корчить. К музею гони. Шумахер.

– За «хер» ответишь, – сказал Тельбиз.

Машина летела по бывшей двойной осевой проспекта Мира. Неизвестно откуда взявшийся синий плющ затягивал выбитые окна и желтые стены домов сталинской постройки. Стебли, словно жилистые руки сенегальского негра, цеплялись за стены, кроша желтые кирпичи и выламывая пластик из оконных рам. В одном месте такой плющ подхватил ларек возле автобусной остановки и поднял его метров на пятнадцать в воздух, продолжив потом свой рост уже по стене дома. Причудливый узор растений придавал проспекту неземной вид.

– Вот ты едешь, как Шумахер, – начал рассуждать Бубо, немного привыкший к бешеной гонке. – А знаешь, что было тут, прямо посреди проспекта? Дом... ой, не помню, ну, покажу. Так вот, идем мы с... ну, с товарищем моим, нам сказали, что там, в подвале этого дома, «ляпы» найти можно...

– Что? – Малахов удивленно обернулся.

– «Ляп» – это такой артефакт. Не аномальный объект, а именно артефакт. Ну, оно такое, типа, как из воздуха сопля.

– Образность твоего языка потрясает, – улыбнулся Вадим. – Так что сопля?

– Ну, мне сказали, что это такой модулятор реальности.

– Вот блин! – Тимур удивился неожиданному лексикону сталкера.

– Только вам грамотными быть? – фыркнул Бубо. – Так вот, короче, эти «ляпы» могли реализовать то, что у людей является устойчивым мемом, образом. И самое главное, эти «ляпы» не из реальности взяты, то есть, они вообще никак не связаны с настоящей жизнью. Они... ржать будете...

– Почему? – заинтересовалась Клава, переключая передачу.

– А потому что они почти все из книг взяты! Вышла книга тиражом сто тысяч...

– Каким? – переспросил Герман.

– Сто, – упавшим голосом ответил сталкер.

– Урежь осетра, десять.

– Ну, не важно! Говорили, сто... Ну, десять тысяч раз написано, что колбаса стоит два двадцать. Вот с этим «ляпом» можно по магазинам ходить и покупать!

– И где здесь магазин?

– Вот зануда! Вне Москвы! С «ляпом» в Рязани в любом магазине я икру куплю по девять рублей за кило! Черную!

– И доллар по шестьдесят копеек?

– Ты, Малахов, долго живешь, – заметил Тимур.

– На каждое свой «ляп» нужен, – важно вставил Бубо. – А тут...

– И что же ты такой бедный, если тут такие «ляпы» водятся? – перебил Тельбиз.

– Не спеши. Прорвались мы в подвал этого дома, вон он, кстати, на горизонте. Только ни одного «ляпа» не нашли... А когда товарищ мой наверх поднялся, на восьмой или одиннадцатый этаж, не упомню, ну, по квартирам решил пройтись, там он и нашел его... Лучше бы не находил. Я его напарнику оставил, не делили мы его.

– Чего это?

– Напарник мой взял себе, ну, у меня должок был... Нету теперь напарника...

– Умер?

– Хуже... Машинистом на Сызрань-Рязанской железной дороге работает. Умом съехал.

– Так может, и не «ляп» виноват?

– Хэ-зэ... Видать, что-то кто-то много раз повторил, вот и получил он... А какой сталкер был! Он меня из «воронки» вынимал, от «ржавой гадости» лечил. Эх... И самое смешное – на единственном в России паровозе машинистит!

– Да, Шекспир рядом не валялся. Приготовьтесь! – Клава заложила вираж, выруливая к северному входу на ВДНХ.

«Лада» лихо затормозила у разбитых ступенек из красного гранита, которые вели к постаменту. Ступеньки упирались в двери музея. Зона не пощадила ни гранит, ни ценное дерево и полированные стекла дверей. Все выглядело так, словно пережило сотни лет запустения.

– Так, ждите меня здесь, – оживился Бубо.

– А ты, мил человек, не смоешься? – спросил Тельбиз.

– А ты хочешь, чтобы я тебе свой схрон показал? – обозлился Бубо. – Может, там у меня деньги лежат. Я же для вас ваще стараюсь. Куда мы с пустыми руками по Зоне?

– Откуда у тебя деньги?

– Да пусть идет, куда денется, – сказал Вадим. – А если и денется, то куда?

Сталкер направился к разбитым входным дверям. Он толкнул одну из половинок, и она, жалобно заскрипев, открылась, повиснув на нижней петле.

– А откуда мы знаем, что этот человек надежный? – спросил Герман, проводив взглядом сталкера, скрывшегося в темноте дверного проема.

– А ты бы взял и пробил его по базам данных. Не только же авторитету Заноса доверять, – сказала Клава. – Хотя какой у него, к черту, авторитет.

– Так времени не было.

– Значит, придется надеяться. Да ты прекрасно понимаешь, что никуда он от нас не уйдет.

Их разговор был прерван воплем и последовавшими за ним беспорядочными выстрелами.

– Вот, блин, влип наш сталкер! – сказал Малахов. – Клава, проскочишь внутрь? Там должен быть большой зал.

«Лада» рванула с места, неожиданно легко пролетела пологие ступеньки и, снеся остатки дверей, влетела в помещение музея.

– Я разберусь, – сказал Тимур. – Не высовывайтесь.

Он молниеносно достал из-под штанины финку и выскочил из машины. Обстановка прояснилась быстро. В свете фар было видно, как два человека держали Бубо. Они были мало

похожи на сталкеров, скорее, это были новые московские бомжи – люди, приспособившиеся к жизни в Зоне и промышлявшие мелким разбоем, не подчиняясь никаким правилам. Один из них, помоложе, в старом ватнике и лыжной шапочке, неуместной летом, приставил к виску сталкера пистолет. Второй, пожилой, с испытанным лицом, в широких засаленных штанах, держал на изготовку жутковатого вида палаш. Они явно нервничали, не ожидая у сталкера такой поддержки.

– Шаг сделаешь – мозги снесем вашему поцу! – грозно произнес тот, что постарше.

– Я тебя и отсюда убью, – заявил Тимур.

– Ножиком? – Бандиты нервно засмеялись.

– Нет. Смотри. – Тимур наклонился и подобрал с пола обломок цемента величиной со спичечный коробок. – Вот чем я тебя убью.

– Ну, убей! Пижон!

Тимур швырнул в сторону бандитов обломок. Они отвлеклись на секунду, следя за камнем, и не заметили, как резким движением Тимур выбросил нож. Лезвие воткнулось в глазницу бандита в вязаной шапочке. Бубо, сориентировавшись, немедленно завалил второго подсечкой и подхватил пистолет из рук убитого. Старший из бомжей на четвереньках стал отползать к выходу. Он почувствовал, что его не собираются убивать, и, выпрямившись, со всех сил рванул прочь.

– Так, уважаемый Бубо, отныне я настаиваю на восстановлении субординации и ранжира, понял? – строго спросил Малахов.

Бубо, не возражая, кивнул.

– Второе: ты до своего схрона успел добраться?

– Да нет, я только вошел, эти налетели...

– А стрелял кто?

– Откуда я знаю кто? Мне этот, – сталкер кивнул в сторону убитого, – по голове чем-то саданул, но у меня кость крепкая, вот и не оглушили. Сначала просто завалили, потом, как машина загудела, ну, в общем, дальше Тимур все видел...

– Видел-видел, – весело отозвался Тимур, тщательно вытирая свой нож.

– Что у тебя еще в схроне, кроме денег? – продолжал допрос Вадим.

– Как что? Оружие, противогазы. Как без этого по Москве ходить? – удивился Бубо.

– Да, по Москве иначе никогда нельзя было ходить, – согласилась Клава.

– Теперь веди в свой схрон, только прошу, без самостоятельности.

– Ну, я что, я ничего. Я просто не хотел вас напрягать, по развалинам лазить...

– И врать не надо. Учти, нам твой схрон до одного места! Идти-то можешь?

– Да, только башка вот... – Бубо осторожно потрогал затылок. Пальцы оказались в крови.

– Дай посмотрю. – Рымжанов подошел к сталкеру.

– А ты что, врач?

– Да, хирург. Специалист по крупному рогатому скоту.

– Я тебе что, корова? – возмутился Бубо.

– Не болтай, а то... Ты знаешь, у меня рефлексы врачебные очень стойкие, доведенные до автоматизма. Могу и кастрировать машинально. Как быка.

Тимур развернул сталкера затылком к свету. Кровоточащая рана говорила сама за себя, досталось Бубо крепко.

– Будь у тебя кость в голове тоньше пяти сантиметров, наверняка бы проломили, – проворчал Рымжанов, осматривая рану. – Так, не дергайся!

Он открыл багажник и, покопавшись в аптечке, достал баллончик с заживляющей пенкой.

– А теперь – шипи! – Пенная струя покрыла рану.

Сталкер зашипел и задергался.

- Вот молодец, когда слушаешься, – подбодрил его Тимур. – И таблетку проглоти.
 - Без воды?
 - Вот же народ привередливый. – Тимур протянул пластиковую бутылку, которую он заранее приготовил, и, обращаясь к Вадиму, добавил: – Пять минут посидим, и можно двигать.
 - Как пять, я же раненый! – возмутился Бубо.
 - Слушай, – не выдержал Герман. – А ты точно сталкер? Или, может, ты в игрушку компьютерную играл? Знаешь все о духе Зоны и песнях под гитару в противогазе?
 - Я в Зоне выжил, потому осторожный и с контузией в пекло не лез!
 - Клава, за сколько мы отсюда до ЦАЯ доберемся? – спросил Вадим.
 - Полчасика, если не спеша.
 - Да, лучше не спеша. – Бубо не преминул вставить слово.
 - Ты не командуй, сиди раны зализывай, – одернул его Тельбиз.
- Сталкер отвернулся и, морщась, стал демонстративно рассматривать потолок, покрытый крупными трещинами.

Глава 6

– А что это за лекарство? – Через пять минут Бубо, словно просветлившись, улыбался во весь рот. – Ничего не болит! Совсем!

– Аспирин, – ответил Тимур. – Военно-морской аспирин.

– Не хочешь – не говори. – Бубо бодро поднялся на ноги. – Ну что, пошли?

– Только сначала подробно расскажи куда, – остановил его Малахов.

– Да тут два шага. Вон у стены шкаф стоит пустой. Там еще какие-то статуэтки стояли, чушь всякая, одна ценная вещь была – граненый стакан, я его в схрон унес. Так вот, шкаф отодвинуть, за ним лаз, стенка пробитая. Там и есть мой схрон.

– Стенку сам пробил?

– Ну, почти. Я как сюда первый раз попал, меня прямо у той стены метрокрыса ждала. А у меня ничего, кроме РПГ. Крысу в кашу, ну и дыру пробило. А за ней пустота, непонятно откуда. Там я потом свое майно и прятал.

– Метрокрыса – это кто у нас? – заинтересовалась Клава.

– Их еще лужковскими называют. Говорят, они всегда под Москвой по тоннелям бегали, но вот только сейчас наружу выходить стали. Метр длиной без хвоста. С ними лучше только так и справляться – на расстоянии и из большого калибра. Они, говорят, от пули только злее становятся. Надо чтобы сразу в клочья.

– Полость там большая?

– Да типа как коридор метров пять, только он весь такой, ну... не прямой.

– Идем так: впереди ты, Бубо, мы на три шага сзади, Клава, сиди в машине и закройся, – распределил обязанности Вадим.

Бубо, наученный горьким опытом, крадучись пересек зал, время от времени проверяя, идут ли за ним остальные. Поравнявшись со шкафом, он осторожно, словно крыса все еще сидела там, заглянул за задник.

– Помогите, – громко сказал сталкер, убедившись, что все в порядке. – Сдвинуть надо!

– А как же ты сам его двигаешь? – спросил Гера, подходя к шкафу.

– С большим напряжением сил, – объяснил Бубо просто.

Шкаф был действительно тяжелый и с трудом двигался по шербатову кафелю, цепляя за выбоины ножками. Открылась пробоина, и вправду выглядевшая так, как будто ее разворотили из гранатомета. Почти круглая дыра в бетонной плите, толстые арматурины, видимо уже позже изогнутые так, чтобы сквозь пролом можно было пролезть. Бубо не врал.

– Вроде все нормально, вот ниточка моя. – Сталкер показал нехитрое контрольное устройство, паутинкой опутавшее лаз. – Включаем фонарики, и за мной.

– Клава, мы идем. Если что – по газам, и на выход, – сказал Малахов.

– Ясно, – отозвалась Клава из машины.

Внутри схрона пахло сырой штукатуркой, гнилой бумагой, нежилым и затхлым воняла грязная одежда и сырой матрас, превший у стены. Бубо двинулся по коридору, который через пару метров от входа поворачивал направо.

– Еще один поворот, и будет мой склад!

Но после второго поворота последовал третий, а потом четвертый. Бубо шел молча, но чувствовалось, что он озадачен.

– Что-то поворотов многовато, – раздался голос Тимура. – Ты уверен, что это твой схрон?

– Да мой, стопудово, – не очень уверенно ответил сталкер. – Должен был тут быть, ведь никто не заходил! Ну, вот тут и должен.

– А ты по пьяни не перепрыгал? Или, может, забыл?

– Ну, ты и придумашь, – буркнул Бубо, растерянно оглядывая стены.

А коридор, который уже был похож на тоннель, вдруг стал подниматься вверх.

– Не было такого тут! Не было! – вдруг закричал сталкер.

Еще через десяток метров каменные стены сменились на ажурные конструкции, обшитые металлическими щитами. Затем пришлось подниматься вверх по лестнице, сначала витой, а потом уже практически приставной. По пути в стальной обшивке оказался небольшой люк, который Тельбиз для интереса открыл. В темноту, разрезаемую только лучами фонариков, полился дневной свет.

– Так мы в голове колхозницы, мужики! – радостно воскликнул Гера, выглянув в люк. – Ты, сталкер, завести нас решил, как Сусанин поляков?

Бубо не поверил словам Тельбиза и, сопя от напряжения, протиснул голову в открывшееся окошко. Напротив видна была гигантская голова рабочего, а внизу лежала пустая Москва. Пронзительно чистый воздух над городом, не загаженный заводским смогом, автомобильными выхлопами и людскими массами, делал столицу похожей на гигантский детский конструктор, источающий и радость игры, и чистоту помыслов. Отсюда были неразличимы признаки упадка и разрухи, царившие там внизу, в мертвом городе.

– Ничего не понимаю... – голос у Бубо дрожал. – Мы не могли сюда попасть, там же надо подниматься по лестницам в постаменте. Дурдом какой-то.

– Пошли назад, – скомандовал Вадим. – Обойдемся без твоего скарба. А ты в следующий раз карту рисуй.

Осторожно спустились по лестницам и вернулись в каменную галерею. Но что-то в галерее поменялось, она была не похожа на ту, по которой шли совсем недавно. Вроде все так же, но оттенок у стен стал другим, к запахам прибавились неведомые откуда взявшиеся ароматы французской парфюмерии, и попадающиеся время от времени свежие конские яблоки говорили – это другая галерея.

– Так, нам еще не хватало в памятнике заблудиться, – весело сказал Тимур.

– Да как тут заблудиться... – сказал Бубо и осекся.

Через пару поворотов снова показалась металлическая лестница и в итоге – открытый люк в голове колхозницы.

– Ну и?.. – спросил Малахов. – Говоришь, не заблудиться? Тимур, иди ты первым.

Рымжанов возглавил процессию, и через десять минут, пройдя под темными сводами, группа опять оказалась у надоевшего уже всем окошка.

– Мне кажется, что мы что-то делаем не так, – задумчиво произнес Герман.

– Это очень интересная мысль, – отозвался Малахов. – Нас, кажется, замуровали демоны.

– Давайте еще раз пройдем, только очень медленно, у меня есть кой-какие догадки, – сказал Герман.

– Только в последний раз, да? – попросил Вадим. – Как миссия начнется, так и дальше пойдет. Бессмысленно.

– Хоть ты и командир – не каркай, – раздался голос Клавы.

Все замерли.

– Я один это слышал? – поинтересовался Вадим.

– Боюсь, все слышали, – упавшим голосом ответил Тимур.

– Так, куда ты завел нас, не видно ни зги! – мрачно изрек Герман.

– То есть, ребята, у нас уже слуховые галлюцинации? – спросил Малахов. – Бубо, ты тут кокс или грибы какие не хранил?

– А что я, что я? Сразу чуть что – сталкер виноват? Я тут при чем? – запричитал Бубо. – Я сколько сюда ходил, все нормально было, а с вами, кручеными такими, так сразу попал в это... не знаю, что это, так только после поллитры получается... Когда выхода нет.

– Оба-на! – воскликнул Герман. – Сталкер, ты гений! Прямо топологический гений!

– Я знаю, – ответил Бубо. – Но обзывать тебе никто повода не давал.

– Ладно! – отмахнулся Гера. – Ребята, мы в бутылке Клейна!

– Сам алкаш, – огрызнулся Бубо.

– Хороший ход. – Тимур достал свой неразлучный нож и стал протирать лезвие носовым платком. – И чем нам это поможет? Да и... как же это говорится... А! «Какие ваши доказательства!»

– Вот что мне не нравится – за время моего отсутствия много болтать привыкли, – сказал Вадим. – Ребята, давайте серьезно.

– Хорошо. – Тельбиз побарабанил пальцами по железной дверце люка. – Ситуация такая: мы находимся в замкнутом трехмерном объекте с одной поверхностью, это и называется бутылкой Клейна. Как бы мы ни шли, мы всегда окажемся только в том месте, откуда вышли. Но это так, образно.

– Ну и что это значит? – спросил Бубо.

– Вероятно, нам надо идти поперек разделяющей поверхности, – пояснил Герман.

– А... понятно, – протянул Бубо. – Это как?

– Проще некуда – дырку в этой стене из нержавеющей стали пробить! – пояснил Тимур.

Тут Геру разобрал смех. Он даже сел на пол от хохота.

– Что смешного? – зло спросил сталкер.

– Я просто подумал, что, скажи мне кто-нибудь, что я заблужусь внутри этой работницы и колхозки, я бы так же смеялся. Нет, ну угораздило нас Сусанина найти! Может, мы его того, как поляки?

– Чё? – не понял Бубо. Вернее, он все прекрасно понял.

– За руки, за ноги, и дырку в стене пробить! Головой! Ты же продемонстрировал крепость черепной коробки, так ведь?

– Да иди ты! – Бубо плюнул на железный пол.

– Я бы пошел, но топология бутылки Клейна снова приведет меня к тебе.

– Грамотные все... – бросил через плечо оскорбленный сталкер. – Так, мне надо срочно выйти!

Он облокотился на неровную поверхность и стал съезжать на пол. Он побледнел, это было видно даже в свете фонариков, и покрылся испариной. Пальцы у сталкера дрожали, словно он пытался сыграть куклу на невидимом фортепиано. Он попытался расстегнуть ворот рубахи, но тремор не дал ему это сделать.

– Ты что? Плохо тебе? – Вадим склонился над поникшим проводником. – Сердце? Клаустрофобия?

– Нет! – хрипя выдавил из себя Бубо.

– У него небось паническая атака, – не очень почтительно по отношению к страдающему сталкеру произнес Гера.

– А ты откуда знаешь? – неожиданно спокойным голосом спросил Бубо.

– Сейчас у всех она бывает. Мода такая, – сообщил Гера. – Куда ни плюнь – у всех атаки. А лекарство одно.

– Какое? – Бубо опять прошелестел голосом умирающего лебедя.

– Дать бы тебе в рыло и оставить тут паниковать. Или еще лучше взять тебя за руки, за ноги и головой твоей тупой пробить дырку в этом памятнике. – Тельбиз постучал кулаком по обшивке монумента из нержавеющей стали.

– А если я болен? – не унимался Бубо, хотя было заметно, что признаки панической атаки исчезают.

– У тебя единственная болезнь может быть, и она называется ипохондрия! – строго сказал Гера. – Сейчас мы ее лечить будем.

– Подожди, мне что-то показалось. – Сталкер поднял указательный палец. – Секунду!

Он, совершенно забыв о недомогании, подошел к тому месту в монументе, где Тельбиз только что ударил кулаком по обшивке.

– Никому звук странным не показался?

– А ты возьми, стукни еще раз и проверь, – ответил Гера.

Бубо, не обращая внимания на явную неприязнь, действительно ударил кулаком по нержавеющей. Ничего особенного не произошло. Но сталкер вопросительно посмотрел на остальных.

– Вы что, не слышите?

Он, понимая, что его идею не воспринимают, стал несильно, словно пытаясь разбудить тающуюся в металле силу, ритмично ударять по обшивке. Монумент сначала нехотя, потом все сильнее и сильнее стал отзываться на низкой басовой ноте, которую нормальное человеческое ухо могло и не услышать. Скоро уже весь памятник пугающе гудел и вибрировал. Но самое невероятное – в том месте, где сталкер бил кулаком по металлу, нержавеющая вдруг, словно истончившись, стала прозрачной. Сквозь нее, как через мутное стекло, уже можно было увидеть очертания города. Бубо стучал не переставая, и в какой-то момент его кулак, не встретив сопротивления, пронесся сквозь границу, только что отделявшую людей от внешнего мира. Сталкер по инерции, теряя равновесие, выпал из памятника в образовавшуюся проталину. Герман в последний миг схватил Бубо за ногу, и тот, описав телом дугу, гулко ударился лицом о поверхность памятника, но уже снаружи.

– Ребята, ловите конец! – Внизу у монумента стояла Клава, держа в руках арбалет с прикрепленной к болту тонкой бечевкой.

Через полчаса, спустившись по веревке, все со смятением наблюдали, как затягивается отверстие на зад у рабочего.

Глава 7

Бубо уныло смотрел на дорогу, время от времени проверяя, не идет ли кровь из разбитого носа.

– Ничего, до свадьбы заживет. – Клава, не оборачиваясь, передала сталкеру пакет салфеток.

– Какая свадьба, жена ушла, когда я в Зоне ишачил, на нее причем ишачил, все домой передавал. А она с майором уехала...

– Ладно, все равно заживет, – оборвала Клава романтическую историю сталкера. – Вот сейчас в наш схрон приедем и починим твой нос.

– А не надо было меня так за ногу хватать! Вот бы и не шандарахнулся.

– И полетел бы орлом из задницы рабочего! – отозвался Гера. – Не нос бы разбил, а прямо на машину нашу упал. Был бы убыток невосполнимый.

Тельбиз, разговаривая с Бубо, одновременно набрал какие-то команды на своем планшете, который он достал из-под сиденья машины. «Жигули» тем временем летели по направлению к ЦАЯ. Весть о том, что они едут за оборудованием и оружием в Центр, оказалась для сталкера полной неожиданностью, и он был явно недоволен.

– Да ну вас. Чего ж вы сразу не сказали, что и у вас схрон есть? Говорили, институт, институт... бумаги забрать. Я сразу понял, что темните. Как проехался с вами первый раз в машине. Так нормальные люди не гоняют.

– Для нас наша контора – это и есть схрон. Бумаги возьмем и... в общем, еще у нас дела есть в Москве, не сбежишь? – спросил Вадим.

– Ну вот! – Бубо ударил кулаком по колену. – Что вы за люди такие? Как так можно договариваться? Это что, честный договор? Это черт знает что такое!

– Не горячись, нам нельзя было раскрывать все карты. А деньги, конечно, будут другие, никто тебя не обманет, – успокоил его Малахов. – И ничего от тебя, кроме того, что просили, не потребуется. Только наша миссия чуть затянется.

– Что вы все на деньги меряете? Как можно доверять вам теперь? Мы же в Зоне, да еще в Москве!

– То, что ты не все на деньги меряешь, хорошо. Нельзя нам было рассказывать о нашей миссии там, за периметром, понял?

– А почему сразу не сказали, как проехали? И на КПП мне уже показалось странным, что нас не шмонали.

– Не успели сказать, не дуйся, – примирительно сказал Герман. – Решай – или ты дальше с нами, или мы сами по себе, хотя без тебя нам будет очень трудно.

– Ладно, посмотрим, – буркнул сталкер и неожиданно закричал: – Стой! «Травма»!

Клава ловко тормознула, развернув машину боком.

– Что там? – Вадим тревожно глянул на Бубо. – Что случилось?

– Вон, прямо смотрите! – Сталкер пальцем показал на тротуар справа от дороги.

– Что? – Клава, следившая все время за обстановкой впереди, ничего не заметила.

– Ну, видишь, дорожный указатель?

– Конечно! – Клава чуть пригнула голову, чтобы рассмотреть знак на обочине, частично прячущийся в листве деревьев. – Это что, чья-то шутка такая?

Знак был на первый взгляд обычным – «Осторожно, дети!». Но только на первый. Присмотревшись, можно было заметить несколько странностей. Во-первых, порядок двух фигурок на знаке был странный – большая впереди, меньшая сзади. Во-вторых, у меньшей фигурки было три ноги, а у большей рука была явно в гипсе. И последнее: знак располагался там, где и

в теории не мог быть разрешен никакой переход, – трассу разделял по осевой стальной отбойник. И, кроме того, дорожный знак просто висел в воздухе.

– Если этот знак проедешь, то с тобой точно будет то, что там нарисовано, – таинственным голосом сообщил Бубо, все еще хлюпая носом.

– Третья нога вырастет? – поинтересовалась Клава, заводя заглухший мотор.

– Нет, третья нога всегда на этой аномалии есть, – серьезно объяснил сталкер. – А вот руку сломать – запросто. А то еще бывает – там вместо глаз дырки, это вообще жуть. Объехать надо.

Никто спорить не стал, и странный знак объехали дворами, вернувшись на трассу через сотню метров после артефакта.

Оставшееся время до ЦАЯ ехали молча. Умиравшая Москва проносилась за окнами машины. За небольшой срок город без людей начал деградировать. То тут, то там чернели неживыми пятнами разбитые стекла. Вездесущий плющ захватил первые этажи во многих зданиях, пронизывая и окна квартир, и витрины магазинов. На тротуарах красовались горы скарба, вынесенного с нижних этажей то ли стихией, то ли мародерами. В приоткрытые окна машины доносился запах тлена – острый и тревожный.

Вход в Центр был разрушен взрывом. Скромное парадное, раньше скрывавшее за простыми дверями многоуровневую систему безопасности, зияло вываленным дверным проемом и разбитой кирпичной кладкой. Заслышав приближающуюся машину, из пролома на месте дверей выскочил гадкого вида зверь величиной с собаку, но с широкой плоской мордой, устрашающими бивнями и плоским, как у бобра, чешуйчатым хвостом, и, коротко рыкнув в сторону людей, скрылся за углом. За зверем тянулся явственный запах гнили.

– Теперь мы будем вести, твоя задача проверять, что путь свободен, договорились? – Малахов открыл дверцу машины и ступил на разбитый асфальт.

– Как я могу проверять вам путь, если не знаю, куда идти? – удивился сталкер. – Вы странные люди.

– Ладно, успокойся, нам надо войти через центральный вход, спуститься в подвал, вход в него в холле слева. В подвале будет помещение, оно заперто. Доведи нас до двери с кодовым замком, остальное мы берем на себя. – Вадим подождал, пока сталкер выйдет из машины. – Ты как, гайки кидать будешь или, может, новый метод есть?

– Гайки – позапрошлый век, – изрек Бубо. – Кроме гаек, есть техника поновее. Слыхали, что такое лазер?

– Читали, в детской энциклопедии, – отозвался Герман.

– Так вот смотрите! – Сталкер достал из кармана цилиндрический предмет, в котором все узнали мощную лазерную указку. – Теперь вот так сталкеры ходят.

Из другого кармана Бубо вытащил гайку и бросил ее внутрь здания. Потом направил на нее яркий даже днем зеленый луч лазера.

– Вот смотрите, я гайку кинул, вижу, где она, но теперь я могу дополнительно прощупать все вокруг. – Тонкий мерцающий луч двинулся влево. – Вот там, у самой стенки, словно марево – луч чуть искривило. Это «гравидырка». Засосет, мало не покажется. А справа вроде все чисто.

– Можем идти прямо по лучу, как герои фантастических романов, – хохотнул Тимур.

– Нет, подождите. – Сталкер был серьезен. – У луча есть вторая, очень важная способность. Ведь вы же понимаете, что большинство хищных мутантов тут – это потомки брошенных домашних животных. Городских. Вот они на него ведутся. Надо поводить, если затаился где какой-нибудь шоко-кот, точно не выдержит, дернет за лучиком.

Бубо стал рисовать лазерным пятнышком круги на полу. И оказалось – не зря. Через несколько мгновений бесформенная фигура, похожая на произведение безумного таксидермиста, пулей вылетела из темной глубины. Сталкер перестал крутить лазером, подергивая лучи-

ком, медленно вывел на открытый воздух зверя, который находился словно под гипнозом, и заманил его в подворотню. Потом выключил лазер и заорал со всей мочи. Потерявший ориентацию мутант стремглав ринулся в темноту подворотни и, мерзко вякая, скрылся.

– Это и есть шоко-кот? – поинтересовался Тимур.

– Нет, я не знаю, кто это. Тут же всего сейчас столько, что и названий еще не придумали.

– Пока только этого и увидели. Гуляем, как в летнем парке, – недовольно произнесла Клава.

– Это вы просто не видите. Они тут все по щелям затаились. И твари, и аномалии, и те, что пострашней тварей будут.

– Люди? – догадалась Клава.

– Они, родимые.

– Что же никто не нападает?

– Присматриваются, ждут.

– Ладно, пусть подождут, пошли, – поторопил команду Вадим.

Он шел первым, за ним сталкер, подсвечивая лазером, а уже потом, след в след, остальные. Дорога в подвал ЦАЯ прошла спокойно. Внутри привычно пахло сырой штукатуркой, кошками и горелыми тряпками. Вход в хранилище Центра оказался нетронутым. Да и сами двери были сделаны так, что сложно было представить, что кто-то или что-то может их повредить. Матовая поверхность стальных створок наводила на мысль о нерушимости запоров и недоступности в святая святых Центра. На дверях, сквозь которые легко проехал бы всадник, не было ни ручек, ни замков, ни запоров. Только скромный пульт с цифровой клавиатурой.

– А открыть как? – забеспокоился сталкер. – Я вижу, замок-то электронный, а электричества нету.

– Для кого нету, а для кого есть, – успокоил его Тельбиз.

Он достал из кармана нечто, похожее на флэшку, и вставил в отверстие внизу электронного пульта. Пульт еле слышно пискнул, клавиши засветились слабым голубым светом. Герман быстро набрал длинную последовательность цифр. Низко загудел скрытый мотор, и двери хранилища плавно ушли вправо.

– Заходим! – скомандовал Малахов.

Проходя внутрь, сталкер не удержался и провел ладонью по торцу стальной двери толщиной сантиметров в двадцать.

Герман активировал аварийное энергопитание, и внутренние помещения хранилища залил яркий свет. Точечные светодиодные источники создавали внутри мистически таинственную атмосферу. Они локальными пятнами высвечивали стеллажи, столы и шкафы, оставляя основное пространство в темноте.

– Ишь, ты... прямо не пойми что, – изумился Бубо.

Они шли по широкому длинному коридору с множеством закрытых дверей. Посреди коридора стояли несколько массивных столов с розетками и разъемами сетевой связи.

– Сейчас все поймешь, – сказал Вадим. – Тимур, води нашего товарища в оружейку, выбери с ним сам знаешь что. Мы с Герой к техническим средствам, надо связью заняться, ну а Клава...

– Да уж понятно, мужчины меня, как всегда, оставят на произвол судьбы, – улыбнулась Клава.

Сталкер, вертя по сторонам головой, покорно пошел за Рымжановым. Тимур снова набрал код и открыл первую дверь слева. Через мгновение после того, как Тимур и Бубо скрылись в комнате, раздался изумленный возглас сталкера: «Ахренеть!»

– Кажется, они там найдут общий язык и общие интересы, – сказал Гера и направился к дальней двери справа.

– Пока, мальчики, приходите, как соберетесь! – сказала Клава и пошла по коридору в глубь хранилища, где еле угадывались большие гаражные ворота.

Герман вернулся минут через пять. На одном плече у него висела бухта кабелей с разъемами, на другом – две черные сумки. В руках Тельбиз нес большой футляр из гофрированного алюминия. Вадим помог ему выгрузить все это хозяйство на стол.

– Сначала связь, – попросил он.

– Само собой! – Герман раскрыл футляр и стал раскладывать на столе содержимое сумок.

Он соединил между собою электронные блоки, потом достал из сумки ноутбук и подключил его к сетевому разъему на столе. Пока загружался компьютер, Тельбиз бурчал себе под нос какую-то варварскую мелодию. Впрочем, Вадиму это было все хорошо знакомо.

– На, пробуй! – Гера открыл одну из пяти одинаковых коробочек и вручил Малахову очки-коммуникаторы. Точно такие же очки взгромоздил на нос и себе.

– Ну, мы уже заждались, – раздался в наушнике голос Лазненко. – Где вы так долго?

– Да ничего страшного, к Зоне привыкали. Добрый день! – ответил Вадим. – Готовимся к началу работы.

– Да вижу, вижу. Как Центр, на куски не растащили?

– Да нет, хранилище не тронута. Как гараж, не знаю, там сейчас Клава. Надеюсь, уже парым разводит.

– Ну, хорошо. Включаем полную электронную поддержку. Не пропадайте. – Генерал отключился.

– Клава парым разводит, я памры соединяю, – пробормотал Гера, втыкая очередную витую пару в разъем.

– Каждому свое. А вот и стрелки наши!

Грохоча колесами большой металлической тележки, из оружейной комнаты вышли Тимур и Бубо. Сталкер сиял, как ребенок, впервые попавший в большой магазин игрушек. Тележка, похожая на ту, с которой по вокзалам слоняются грузчики, была нагружена с горой. Видно было, что Тимур предоставил Бубо полную свободу выбора.

– Ну, все на стол, будем делить! – весело скомандовал Малахов. – Или это вы только себе набрали?

– Всем хватит! – успокоил сталкер. – Вы себе берите, что хотите, а я человек скромный, лишнего никогда не возьму! – Бубо старательно раскладывал оружие на столе. – Но вот это – мое!

Сталкер с гордостью вертел в руках модернизированный пулемет «Печенег».

– Вы, боюсь, и не знаете, что это! Это спецоружие, переделка «Буллпап». Это же песня, а не оружие для города!

– Мы-то, конечно, знать этого не можем, – серьезно подтвердил Вадим. – А вот ты откуда знаешь?

– Да знаю, – отмахнулся Бубо и продолжил: – А вот тут уже и планка «Пикатинни» есть, и смотри, сколько прибуд! И ночной прицел, и лазерный, и лазерный ИК...

– Вот же, – покачал головой Малахов. – А нам ты что принес?

– А? – Сталкер словно вернулся из астрала. – Вам... а, три «калаша», практически новые. Ну и РПГ каждому. Город – дело нешуточное. Но с таким пулеметом можете не бояться! Я прикрою!

– Не сомневаюсь, – произнес с сомнением Герман.

– Тимур, я надеюсь, ты обо мне подумал? – спросил Вадим. – Не с «калашом» же мне бегать. Возраст не тот.

– А как же! Я сразу же подумал. – Тимур взял с тележки черный пластиковый футляр и протянул его Вадиму.

Малахов деловито установил футляр на столе, щелкнул двумя запирающими замками и извлек на свет божий угрожающего вида пистолет.

– Это что за пушка? – заинтересовался Бубо.

– Это не пушка! Это «Дезерт Игл», калибр 0,5, – с гордостью сообщил Малахов. – Израильское производство! И ствол Тимур правильно выбрал, десять дюймов, мой любимый размер.

– Пистолет в любом случае – бесполезная пукалка, – важно и безапелляционно заявил Бубо. – Против автомата бессмысленная.

– Стрелять надо лучше, – сказал Вадим, приторачивая кобуру из синтетической ткани на пояс. – И дастся тебе все!

Только сейчас сталкер обратил внимание на то, что и Гера, и Вадим были в очках-коммуникаторах.

– Вот чего не любит Зона, а тем более Московская, так это понтов, – менторски изрек Бубо. – Вот зачем в темных очках по Москве ходить, да еще в подвале!

– Это не темные очки, это символ нашей банды. Мы банда темноочкариков, – сказал Тимур и тоже надел коммуникатор. – Так что, если хочешь идти с нами дальше, тебе тоже придется такие носить.

– Бубо никогда не был клоуном! – Сталкер стал демонстративно протирать ствол своего пулемета тряпочкой.

– Значит, станешь лохом, – в тон ему ответил Герман. – На, надень! Хоть на секунду.

– Надень-надень, – поддержал Вадим. – Они очень удобные.

– Вот же народ! – Сталкер взял протянутые ему очки и, скривившись, нацепил на нос.

Потом он замер, осмотрелся вокруг и произнес с отчаянием в голосе:

– Ну, вот что же вы за люди, а? Ведь это же... – Сталкер замолк на секунду. – Я знаю! Это гугель-очки.

Это заявление вызвало искренний смех у окружающих.

– Что смешного?

– А то, дорогой наш поводырь, что гугль-очки – это просто результат промышленного шпионажа и жалкая подделка нашей разработки, – пояснил Герман.

– А чего? Я читал, те очки тоже показывают надпись над каждым предметом, и пишут, что могут людей распознавать. Сам не видел, врать не буду.

– Ну, нам такие игрушки неинтересны. – Гера набрал комбинацию на своем ноутбуке, запустив демонстрационно-тестовую программу для коммуникатора.

Сталкер чуть не выронил автомат. Виртуальная реальность и объемный звук вдруг перенесли его на берег океана, под пальмы к стайке загорелых серфингисток. Он несколько раз помотал головой, словно пытался сбросить очки, потом сорвал их с лица и издал нечленораздельный звук.

– Да что же вы! – в голосе сталкера звучало возмущение и восхищение одновременно. – Что вы издеваетесь надо мной?

– Это демонстрация наших возможностей. А вот теперь, пожалуйста, верни очки на место, нет, я имею в виду твой нос, и послушай. Ну и посмотри, – успокоил его Герман.

Долго уговаривать сталкера не пришлось. Он надел очки и застыл в ожидании.

– Наши очки-коммуникаторы – это конечный терминал системы сбора информации, анализа и связи. Кроме того, встроенная камера позволяет получать изображение и в тех диапазонах спектра, которые человек видеть не может. Все коммуникаторы объединены в общую систему и могут постоянно обмениваться информацией.

– Не паришь? – недоверчиво спросил Бубо.

– Смотри. – Гера набрал код на клавиатуре. – Видишь?

– Ну, вижу каждого, только какие-то красные точки над вами стоят.

- Назови мое имя.
- Ну, эта... Тельбиз. О! Зеленая!
- Теперь слышишь меня отдельно?
- Ну, я тебя и так слышу.

Герман повернулся спиной к сталкеру и что-то тихо сказал.

- О, а теперь точно отсюда голос! – Бубо постучал по акустической консоли на очках.

– Так вот, Бубо, – вмешался Вадим, – отныне, как только поступит команда, немедленно надевай эту штуку и больше не снимай! Понял?

- Да я и снимать вообще не буду, классная вещь.
- Нет, ты сейчас поканими, – настоял Вадим.

Бубо снял очки и опять закричал:

- Вы меня ослепили!
- Успокойся, – раздался голос Германа. – Я просто продемонстрировал, как наши игрушки работают в полной темноте.

Чуть позванивая контактами, в хранилище зажегся свет. Все это время сталкер видел окружающее пространство, которое синтезировал компьютер.

- Ну, вы, блин, даете! – выдохнул Бубо.

– Все это, уважаемый наш сталкер, только для того, чтобы убедить тебя не сомневаться в нашей технической мощи, – объяснил Вадим.

- Ладно, убедили.
- Не совсем, сейчас мы тебе еще нашу коробочку покажем.

Глава 8

Бубо, с тревогой глянув на оставленное на столе оружие, пошел за остальными в дальний конец хранилища, к широким воротам, за которыми скрылась Клава. Тимур с натугой распахнул сразу обе створки, скрывавшие большой ангар. Сталкер, уставший удивляться, только хмыкнул. В неярком свете дежурного освещения тускло отблескивали кузова десятка автомобилей самого разного назначения. От мрачного приземистого грузовика до франтоватого «Феррари», выглядевшего здесь совершенно неуместно.

– Все-таки, мужики, непростая ваша контора, ой непростая, – произнес Бубо. – Ну что, вы предлагаете вот тот БТР взять, а, мужики?

– Все, что касается транспорта, у нас решают не мужики, а женщины, – ответил Вадим.

– Если будем носиться по городу как сумасшедшие, много не найдем. Не знаю, правда, что вы искать собираетесь, – забеспокоился сталкер.

– Не спеши, дорогой Бубо, сейчас все узнаешь. Давай погрузимся, и перед выездом мы тебе все наши ближайшие планы и проясним, хорошо? – успокоил сталкера Малахов.

Словно в ответ на его слова в глубине гаража приветливо мигнули фары автомобиля.

– Вот видишь, машина нас уже ждет, пошли. – Тимур подтолкнул Бубо к машине.

– Это что, мы на козле ездить будем? – Через пару шагов сталкер понял, что за автомобиль их ждет. – Вы совсем фраера? Нам только УАЗа не хватало. Он же рассыплется на первом повороте. Вот БТР – это да, машина.

– Не бойся, Клава наш УАЗ заранее перебрала и все гайки подтянула. Да и модель у нас редкая, в твою честь называется: «Сталкер».

– Без точек?

– Без точек. Так что все по-настоящему. Не жалкая имитация.

Открыв водительскую дверь, из машины легко выскочила Клавдия.

– Ну что, мальчики, все готово. Реактор завелся штатно, системы проверены, связь запущена.

Бубо растерянно огляделся по сторонам.

– Спокойно, все поймешь по ходу, – сказал Вадим. – Клава, подкати машину к столам, а то лень тягать все это барахло.

Машина практически беззвучно двинулась к распахнутым створкам.

– Она что, на аккумуляторе ездит? – спросил Бубо. – Электромобиль? А где заряжаться будем? В Москве же света нет!

– У нас свой источник. Под днищем реактор.

– Какой такой реактор? – не понял сталкер.

– Холодный термояд, слышал? – пояснил Тимур.

– Не слышал. Бомба, что ли, водородная? – встревожился Бубо.

– Нет, не бомба. Короче, не парься. Ездить сможем сколько захотим.

Группа вернулась в хранилище, где Клава остановила машину у стола с электроникой.

Все без лишних слов занялись своей работой, только один Бубо обреченно смотрел, как снаряжается автомобиль. Но внезапно его осенило.

– А я вот вспомнил одну байку, мужики рассказывали!

– Ну, давай, – не глядя на Бубо, ответил Вадим, помогая Тимуру загружать футляры с неизвестным сталкеру оборудованием в машину.

– Так вот, говорят, что давно, еще Зона и Зоной не была, приехали туда из Москвы фраера. Машина у них была крутая, снаряга – ваще жуть. И стали они по Зоне вышивать. Сначала положили бандюков. Говорят, пулемет у них был с лазерным наведением, который за одну очередь пятнадцать душ положил. И потом они сдуру поперлись и заглушили генератор пси-

поля, а от этого вся мразь в Зоне на свободу вырвалась. И пошло-поехало. Они одного монстра валят, а вместо него десять появляется еще монстричнее.

– Ну и что с ними стало? Или ты думаешь, что это мы были?

– Да нет, куда вам. Погибли они все. Один из них вообще укушенный был, он потом в Зоне жил и зверушек лечил, а в полнолуние сам монстром становился. Говорят, его кровососы, которых он лечил, и порешили. Другого, главного, свои же прибили, потому что лютый был страшно, у него еще кличка была такая... Стрелок вроде, но не тот стрелок, который Стрелок, а по-ненашему как-то назывался.

– Вот же жуть какая! – всплеснула руками Клава. – И как таких в Зону пускают?

– И не говори, – поддакнул Тимур. – А они что, так сами и пошли? Даже сталкера не взяли?

– Был с ними один, Сухой звали.

– А почему звали? Пропал?

– Да нет, он потом откинулся с Зоны, уехал. Говорят, хабар какой-то нашел такой, что золотом обернулся. Хату в Москве купил, жил припеваючи.

– В Москве? – дружно удивились все.

– А где еще? Не на Канары же мужику серьезному ехать. Правда, вот как все оборачивается, кто в Москве жил, оказался в заднице. Эх, помню, как отсюда гастеры перли, как стали периметр делать.

– А чего же они не стали на стройке века работать?

– Как чего? – удивился Бубо. – Все знали, что всем, кто периметр строил, потом выстрел в затылок – и в канаву. Чтобы секретов не выдали.

– Что, и вправду расстреляли? – делано ужаснулась Клава.

– Да нет, ввали.

– Вот и верь после этого людям, – заключила Клава.

– Ну что, у меня готово! – доложил Герман.

Тут начались манипуляции, которые изумили Бубо в очередной раз. Тимур подкатил тележку. На ней оставалось оружие, которое он выбирал сам. Вадим, устроившись рядом с водительским сиденьем, нажал несколько кнопок на пульте управления. Передние крылья УАЗа отъехали в сторону и вверх, тихо зажужжав приводами, из скрытых полостей выехали два шестиствольника. Ловко распечатав цинк, Тимур вытащил за конец ленту с патронами крупного калибра и заправил ее в приемную часть левого пулемета. Потом, откупорив еще один ящик, зарядил правый пулемет. Затарахтев, лента начала втягиваться внутрь машины. Пока заряжалась подкрыльная огневая система, Вадим набрал на пульте очередную команду. Обтекаемый футляр на крыше, внешне неотличимый от багажника, ожил. Сдвинулась назад крышка, и на пантографе поднялась компактная пусковая установка. Выйдя из автомобиля, Вадим помог Тимуру установить шесть ракет на пусковую, и потом еще столько же отправились в блок перезарядки. Сталкер наблюдал, уныло поддегивая на плече свой пулемет. Вадим понял настроение сталкера и сказал:

– Не дрейфь, твоя пушка тоже в дело пойдет. Вдруг машина застрянет.

– А я о чем говорю, – оживился притихший сталкер. – Машина – она не везде пройдет, что вы тогда со всеми своими примочками делать станете? Без ручного оружия тут далеко не уйдешь. Форсу много, а толку мало. Только народ распугаете.

– Подваживать машину удобно, – улыбнулся Вадим. – А разве много тут народу? Мы пока никого не встретили, кроме твоих бомжей.

– Вы бы еще впереди себя полковой оркестр пустили! – воскликнул Бубо. – Вы всех в округе распугали. До поры до времени. А как привыкнут, присмотрятся, вот тогда, если не поумному действовать будем, гости и набегут. И твари, и люди, не дай бог. А если в «гравиклапан» въедем на вашей тарантайке, так вообще капец.

– Машинку нашу попрошу не обижать, – вставила Клава. – Мы не быстро ехать будем, а ты нам будешь помогать. Без тебя мы никак. Ты не думай, мы же на тебя надеемся.

– А троллить тогда зачем? – сталкера прорвало. – Я же вижу, вы меня за клоуна держите.

– Успокойся, Бубо, мы просто шутить любим. Помоги-ка лучше. – Тимур взялся за одну из боковых ручек громадного черного футляра. – Нам надо вот эту байду в зад воткнуть.

Сталкер схватился за вторую ручку. Вдвоем с Рымжановым они подтащили груз к задней двери машины. Из-под днища, открыв нижнюю половину дверцы, выехала консоль. На эту консоль установили содержимое тяжелого футляра – сорокамиллиметровый автоматический гранатомет «Балкан». Кроме того, пришлось повозиться, устанавливая и подключая систему автоматического наведения. Тут уже подошел Герман, как всегда, с кучей электронных блоков, которые он присоединял к электроприводам и соединял с общей шиной бортового компьютера.

– Я бы еще турель на крышу продумал, если бы, конечно, был конструктором этой машинки, – сказал сталкер.

– Не спеши, видишь – еще два ящика на тележке. Вот и в этом поможешь, – улыбнулся Тимур и прочел на ящике: – С дистанционно управляемой турелью (боевым модулем) с 7,62-миллиметровым пулеметом ПКТМ.

Через двадцать минут машина была окончательно снаряжена и готова к походу.

– Ну что, по местам? – то ли спросил, то ли скомандовал Малахов.

– А я куда? – поспешил определиться Бубо.

– Для тебя специальное место, в заднем отсеке есть откидное кресло, – показала Клава. – И главное – там форточка легко открывается, всегда сможешь ствол наружу выставить.

Бубо был недоволен таким, последним в салоне, местом, но возражать не стал. Когда все устроились, Малахов решил провести инструктаж, в основном для сталкера, чтобы он понял цели и задачи на ближайшее время.

– Итак, ситуация такая. Три дня назад неизвестно кем и зачем был практически разрушен дом Морозова. Нам надо туда добраться и выяснить, что случилось и почему.

– Дом Морозова? Это где? – спросил сталкер.

– Вот же... – начал Герман и осекся. – Сейчас покажу на карте.

И тут у Бубо случился очередной когнитивный диссонанс. Торпеда УАЗа, обычная, с несколькими клавишами оперативного управления на месте Малахова, трансформировалась. Из глубины выехал небольшой экран трехмерной проекции, и перед глазами сталкера повисла прямо в воздухе объемная карта Москвы.

– Вот мы здесь. – Гера провел рукой, меняя масштаб карты. – А дом Морозова – надо отметить, что это памятник архитектуры, охраняемый законом, – вот здесь. Теперь понятно?

– Понятно, – кивнул сталкер.

– Так вот, наша задача – сначала добраться туда, сам понимаешь, это не близко и не по центральным шоссе ехать, потом войти внутрь здания. С учетом того, что там совсем недавно была активность, есть большая вероятность, что мы можем столкнуться с очень неприятными сюрпризами, – продолжил Малахов.

– И это понятно.

– Так вот, дорогой наш Бубо, теперь мы должны тихонько выехать из нашего Центра и так же тихонько, стараясь не ввязываться ни во что, а еще, что очень важно, не распугав никого, добраться до цели и провести там предварительный осмотр. В чем твоя задача, ты уже понимаешь?

– Я так думаю, надо вам маршрут проложить и потом с вами внутрь пойти? – спросил сталкер.

– Все правильно понимаешь. Рассказывай, как ехать будем.

– Ну, я-то ваших названий не знаю... – протянул Бубо. – Я, это... рукой покажу.

– Ты лучше тогда рукой прямо на карте покажи.

– Я не дотянусь, – со своего заднего места протянул сталкер.

– Так мы к тебе дотянемся. – Герман двумя пассами перенес изображение карты в задний отсек, почти к носу сталкера.

– Только тут... – Бубо провел рукой по изображению, словно пытаясь нащупать что-то в воздухе... – Нет, ерунда все это! Я же помню, как улицы выглядят, помню каждый дом, а вы мне всякие линии показываете.

– Нет проблем. – Тельбиз без труда перевел карту в режим трехмерной виртуальной реальности. Перед сталкером висел макет города.

– Мы вот здесь. – После движения пальцем на макете стала пульсировать красным отметка здания Центра. – А ехать надо вот сюда. – Вторая красная отметка засветилась на виртуальном экране.

– Масштаб изменять можно вот так. – Гера сделал пальцами движение, которым на обычном смартфоне управляют размером.

– Да понял-понял, не дурак. – Бубо попробовал увеличить масштаб, и у него получилось. – Вот мы, значит, стартуем отсюда, тут по прямой.

Сталкер чертил пальцем в воздухе, оставляя на макете зеленую линию маршрута.

– А потом...

После очередного жеста карта вдруг вздыбилась, завертелась, и на экране уже ничего нельзя было узнать.

– Ой, что это? – воскликнул Бубо.

– Это, как мне кажется, Киев, видишь, Лавра, Днепр. Не делай очень резких движений, – спокойно объяснил Вадим.

Герман вернул карту в исходное положение. Сосредоточенно сопя, стараясь не сбиться, сталкер проложил маршрут.

– Вот! Так и надо ехать.

– Так и поедем, – сказала Клава. – Ну что, пристегните привязные ремни?

– Ты опять гнать будешь, что ли? – встревожился Бубо. – Нам же надо тихо, незаметно. Старший приказал!

– Ну ладно, медленно так медленно, – не стала спорить Клава. – Но все равно пристегнитесь.

«Сталкер» неспешно задом вернулся в гараж. Раздвинулись основные ворота, скорее похожие на створки шлюза, открывая выход машине на свободу.

– А вдруг кто-то залезет сюда, ведь сколько добра? – забеспокоился Бубо. – Мы открыли, и другие откроют.

– Не беспокойся, даже в Швейцарии банки так не охраняются, – сказал Герман. – Если честно, в Швейцарии наша система защиты стоит. Сильно упрощенная. Мы прошли, потому что хозяева. А чужому сюда соваться не стоит. Особенно когда охрана снаряжена на особый период... Даже ушей на крыше никто не найдет.

– А если аномалия какая?

– Ну, в таком случае от хранилища ушей не останется. Хлоп – и только мусор по полям...

– Какие тут поля?

– После экстерминального взрыва будут поля. Но ты не бойся. Все под контролем.

Машина, выкатив из сумрачного гаража, застыла под открытым небом. Солнце уже стояло почти в зените, и дома отбрасывали на тротуар короткие плотные тени. Разомлевшие от летнего тепла городские птицы занимались привычным делом – копались в неисчислимых кучах мусора, выползающего из пустых домов. Жизнь в Зоне изменила мелкую и крупную пернатую братию. Вороны легко разрывали консервные банки, угощаясь просроченными продуктами, воробьи с разгона пробивали мусорные баки и там, внутри, в полной безопасности пировали. Птицы не обращали никакого внимания на людей, давно переставших быть для них

опасными. Эта постиндустриальная пастораль заставила людей засмотреться, на секунду забыв о своих делах.

– Всем активировать очки, – приказал Вадим, возвращая товарищей в реальность. – А теперь, Бубо, твоя первая миссия. Что ты видишь?

– Что-что, то же, что и вы. Дорога, дома, мусор на дороге. Пусто. Ну, вернее, это так кажется, что пусто. Я-то вижу побольше вашего. Следят за нами.

– Теперь добавляю к изображению температурный анализатор, – сообщил Герман.

Казалось, обычный серый уличный пейзаж расцвели. Все здания, дорожное полотно, чахлые деревья приобрели легкий синеватый оттенок. И то там, то тут появились небольшие красноватые объекты.

– Оп-па – работает! Это как? – обрадовался сталкер.

– Сейчас, кроме обычной картинки, ты видишь визуализацию температуры объектов. Чем теплее, тем краснее. Вернее, красный цвет обычно соответствует температуре теплокровных.

– Блин, сколько же их вокруг, – протянул Бубо. – Я и половины не видел! Вот там, из подворотни, рожа показывается время от времени. Это человек, он там сидел, еще когда мы только подъехали сюда.

– Ты его знаешь?

– Далеко, не разглядеть.

И словно в ответ на слова Бубо квадратная рамка отметила человека в подворотне, изображение увеличилось, выехав на фоне реальной картинке окошком.

– Нет, не знаком. – Бубо уже не удивлялся.

– Гера, опознание, – приказал Вадим.

– Уже работает.

Через несколько секунд синтезированный голос произнес: «Объект Павлов Андрей Викторович, тысяча девятьсот семьдесят второго года рождения. Бывший военнослужащий, в настоящее время занимается сбором артефактов в городе Москва, в криминальных связях не замечен. Неагрессивен. Средняя алкогольная зависимость. Вооружение: пистолет Макарова, карабин СКС, нож тактический «Табун».

– Хитрая штука, – одобрил информатора сталкер. – А вон там, метров через пятьдесят, из окна торчит кобылка. И ваша фиговина никак не показывает, что она живая.

– Вот это? – Гера выделил синюю фигурку в окне, на которое Бубо показал пальцем.

– Она, родимая. С виду саранча саранчой, а размером с бабуина.

– Не показывает, потому что насекомые имеют температуру окружающей среды. И активны, когда тепло, – пояснил Тимур как знаток биологии.

– Это ты тараканам у меня на кухне зимой расскажи, – сказал Бубо. – Так вот, эта кобылка, если не уследить, может в прыжке тебе голову снести. Но создание тупое и перед прыжком стрекочет. Только лохи попадают. Застрекочет, а лох – ой, что это? А кобылка уже и прыгнула.

– Но мы-то не лохи? – спросил Малахов.

– Не лохи, будем проезжать, эту тварюгу надо прибить. Не люблю я насекомых.

– Зачем проезжать? – весело спросил Вадим.

Он чуть приоткрыл свое окно и, практически не целясь, выстрелил из своего «Игла». Рама окна, откуда коварно выглядывала кобылка, покрылась коричневой слизью.

– Это как ты? – изумился Бубо.

– Это демонстрация силы!

И вправду, количество красных отметок на синтезированной картинке очков резко уменьшилось.

– Не зачем, а как, – не отставал сталкер. – Как так стрелять можно?

– Мне можно, – пряча оружие, ответил Вадим. – Это моя основная специальность – поражение стационарных и движущихся мишеней из стрелкового оружия.

– Снайпер типа?

– Ага, снайпер типа.

– Ишь, стрелок... – задумчиво произнес сталкер.

– Когда стреляю – стрелок, когда ем – едок. Лучше скажи, дорога открыта? Ловушки мы по температуре не всегда можем увидеть.

– Да, давай! – Бубо достал свой лазер и направил зеленый луч вдоль дороги. – До того поворота чисто. Только не нравится мне вот тот автомат по продаже сигарет. Постарайтесь близко не проезжать.

– Да, мне тоже не нравятся такие жизнерадостные автоматы, – заметила Клава, мягко выжимая сцепление – Тем более, такие новенькие и полные сигарет, судя по тому, что у них на витрине.

Глава 9

Где-то в Европе

Мауро Дисконте не смог избежать срока. Апелляционный суд все-таки оставил приговор в силе. Для Италии это был небывалый случай. Бывший премьер-министр осужден! Правда, осужден условно, на два года, с обязательным участием раз в месяц в общественно-полезных работах. Дисконте не был бы успешным деловым человеком, если бы не использовал это обстоятельство в свою пользу. Каждая третья суббота месяца, день отработок, был настоящим праздником для города. Во-первых, любопытству прессы не было предела, и городские власти готовились специально, чтобы выглядеть должным образом. Муниципальный духовой оркестр уже с утра занимал места на центральной аллее парка, и сейчас музыканты разогревались, тихонько выдувая каждый свое. В боковой аллее уже расположились торговцы поркеттой, выставив на общий обзор кабана, целиком запеченного в ароматных травах. Еще в утренних сумерках дворники из окрестных дворов тщательно вымели все газоны парка и живописно разложили листовки с программами партий, выступавших против Дисконте, которые должны были изображать мусор.

В назначенный час процессия дорогих автомобилей под охраной мотоэскорта карабинеров подкатила к центральному входу в парк. Из главной машины, дверцу которой распахнул расторопный мэр, важно вышел Мауро. По случаю предстоящих общественных работ он был облачен в рабочий халат поверх костюма. Халат ему лично разработали и сшили своими руками его давние друзья Дольче и Габбана. Метла с рукояткой из ценных пород дерева, тонко инкрустированная золотом и жемчугом, была подарком от дома Булгари, в свое время сильно увеличившей свой капитал при помощи тогда еще действующего премьер-министра Дисконте. Грянул туш, и под аплодисменты городской интеллигенции Мауро, приветствуя собравшихся, отправился на свою принудительную работу.

Картинно выжидая, пока операторы выберут наилучшие ракурсы, Мауро собрал мусор предвыборных программ конкурентов и широким движением отправил их, как он и сказал на камеру, на свалку истории. Потом Дисконте отправился уничтожать сухие ветки, которые предусмотрительно срезали и аккуратно сложили возле машины, превращающей древесину в опилки. Бросая в утилизатор отдельные ветки, бывший премьер порассуждал на камеру о том, как сложно победить единый народ и как легко уничтожить одиночек. Потом попытался размолоть пучок связанных хворостин. Тут произошла небольшая накладка, машина оказалась слишком мощной и одинаково легко перемолола и единый, и разобщенный народ. Впрочем, телевизионщики поклялись все исправить перед выпуском сюжета в эфир.

День принудительных работ завершал фуршет. Зону фуршета огородили красным шелковым шнуром и взводом карабинеров. Закуски были скромные, как и образ жизни Дисконте. Устрицы, различные салаты из морепродуктов, трюфеля в небольшом количестве и, конечно, хорошее вино. Гостям было предложено взять с собой в качестве сувениров серебряные ложечки со специальной гравировкой по случаю «третьего дня принудительных работ и сближения с народом».

Усталый, но довольный Мауро Дисконте с бокалом холодного фалерио в руках плюхнулся в мягкое кресло своего лимузина, с удовольствием откинулся на спинку, никак не отреагировав на то, что в салоне его автомобиля напротив сидел еще один человек. Дисконте хорошо знал повадки дона Пижини, старого мафиозо, с которым его связывала не только давняя дружба, но и масса общих дел. Впрочем, для Мауро он и не был доном Пижини, он был просто его приятелем Франко.

– Рад тебя видеть, – улыбнулся Мауро. – Вина?

– Да, немного, – согласился Пижини и сам открыл бар, содержимое которого за многие и долгие поездки на этом лимузине он хорошо изучил.

– Как тебе сегодняшнее шоу? Эти идиоты из правительства думали, что, посадив меня, хоть и условно, они обрушат мой рейтинг. А теперь посмотри отчеты социологов, у меня все шансы победить на ближайших выборах. Наш народ любит угнетенных и невинно осужденных.

– Ты знаешь меня, *caro*, я не люблю гласности, открытости и не люблю шума вокруг моей персоны. Я еще не люблю трахать несовершеннолетних, а ведь ты на этом и погорел. Впрочем, кто из нас не без греха?

– Ты же видел эту Сильвию... Какая, к дьяволу, несовершеннолетняя, – возмутился Дисконте. – И цену она заломила совсем не по-детски. Да ладно, стоит ли о них? Как наши дела, Франко? Как дети, как внуки?

– Спасибо, Мауро, твоими молитвами. И дела в порядке, и семья. Ты, кстати, следил за последним суперджекпотом?

– А надо было? – встревожился Дисконте. – У нас там что-то не так?

Дон Пижини протянул газету, которая лежала все это время рядом с ним на мягком кресле.

– Вот посмотри.

Мауро порылся в кармане пиджака в поисках очков, это оказалось непросто, пришлось стащить с себя халат, который был хоть и от модных дизайнеров, но все-таки сковывал движения. Водрузив очки в тонкой золотой оправе на нос, Дисконте перелистал газету и, найдя нужную колонку, стал читать.

– Этому бреду верят? – Мауро в сердцах отбросил газету. – Ты мне скажи, этому бреду верят?

– Я думаю, напиши они там еще больший бред, веры было бы еще больше.

– Как так может быть? Мы организовали эту государственную лотерею, мы много лет создавали этот хрупкий организм. Мы просто совершили чудо, создав эту систему с шариками и барабанами, мы потратили уйму времени и денег в поисках надежных людей. И что теперь? Теперь, оказывается, джекпот получаем не мы? Нет, ты почитай, почитай!!!

Мауро опять нацепил очки, которые он в гневе бросил на сиденье, и, чуть не порвав газету, стал цитировать:

– «Жители Чивитта-Нуова рассказали удивительную историю. Как поведал бармен из «Розовой Луны» Лоренцо Скиапарони, ночью к нему явилась Дева Мария и велела заполнить лотерейный билет, назвав выигрышный номер. Лоренцо поступил по-христиански и сообщил этот номер еще двумстам жителям Чивитта-Нуовы, его постоянным клиентам. Какова же была радость жителей, которые вечером узнали, что их номер выиграл джекпот! Рекордный джекпот за историю государственных лотерей, пять миллиардов евро! Потрясенные чудом Девы Марии жители передали почти всю сумму в фонд помощи неимущим, а на оставшуюся сумму закупили духовые инструменты для городского оркестра».

– *Poca miseria!* – выругался Дисконте. – У нас куда ни плюнь – эти оркестры! Уже скоро будут в клозете стоять и дудеть! Какая сволочь украла у нас номер? Кто у нас крыса?

– Успокойся, Мауро, – тихо сказал дон Пижини. – Сейчас не самое подходящее время в этом деле разбираться. Нынешнее пристальное внимание к тебе может спровоцировать излишний интерес к лотереям. Я думаю, нам надо на время отойти от этого бизнеса. Заодно за это время все кроты и предатели, почуяв свободу, вылезут наружу.

– Ты еще предложи мне всерьез улицы мести, – поджал губы Мауро. – Но я понимаю, что не только с печальными новостями ты ко мне прибыл, не так ли?

– Нам ли печалиться? – улыбнулся своей таинственно-очаровательной улыбкой старый мафиози. – Время не стоит на месте, а нам нужно бежать впереди него на несколько шагов вперед.

– Точнее, на несколько дней, а еще лучше месяцев, – поправил Дисконте.

– Ты прав, дорогой друг. И посему нам нужно осваивать новые просторы. Ты не слыхал о таком шейхе – Абдуль ибн Ляхейдане?

– Франко, ну ты же знаешь, что я не имею дел с арабами. Италия все-таки страна католическая...

– Мы должны иметь дело не с арабами, не с китайцами, не, избави бог, с русскими, а с их деньгами. И тут...

– Прости меня, Франко, ты прав. Я погорячился. Предательства последних дней меня сильно выбили из равновесия.

– Важно, что ты находишь в себе силы бороться. А эмоции пройдут. Так вот, этот самый шейх, судя по нашим данным, затеял очень прибыльное дело.

– Газ? Нефть? Рабыни? – весело поинтересовался Мауро. – Что еще есть у шейха?

– И газ, и нефть, и рабыни. Все то, что дают живые деньги.

– Ну, денег у шейхов всегда хватало. Какое дело он запускает, объясни наконец.

– Шейх берется осваивать Москву. – Пижини поморщился при слове «Москва».

И он, и все его родственники при упоминании России ежились – три деда Франко замерзли семьдесят лет назад под Сталинградом.

– Он хочет купить Кремль и продать по кирпичику? Что там еще в Москве осталось? Я интересовался, у них там после взрыва кордоны стоят, населения нет, и распоясавшиеся медведи теперь и впрямь ходят по улицам.

– В Москве остались сокровища, которые не успели вывезти. И над этим всем стоит армия, – сказал Франко. – А где Красная армия у нас?

– Вот тут! – улыбнулся Дисконте, сжав ладонь в кулак.

– Она-то тут, но вот Москву шейх уже потихоньку подгребает под себя. Но, как все шейхи, делает это не очень мудро и не очень скрытно.

– Ему нужны партнеры? Мне не очень хотелось бы начинать новое дело с давления или изъятия бизнеса. – Мауро с удивлением посмотрел на опустевший бокал и добавил вина.

– Он организует в Москве очень интересное представление. Кстати, на нем он уже заработал такие деньги, по сравнению с которыми наш потерянный джекпот – это две лиры, завалившиеся за плинтус. И мы можем начать с того, что вежливо поучаствуем в его играх. – Франко достал из внутреннего кармана своего кремового пиджака сложенный листок бумаги. – Вот, мне прислали приглашение от самого этого шейха. Почитай.

Мауро нащупал очки, снова оказавшиеся на сиденье, и стал изучать листок.

– Слушай, Франко, я и подумать не мог, что у них в Москве все настолько серьезно. У нас еще не возникли такие Зоны? Надеюсь, нет. Так ты предлагаешь?..

– Я настаиваю. Взнос в будущем покажется нам смешным по сравнению с открывающимися перспективами. Здесь же нам сразу все как на блюде. И в дело влиться, а это не так уж и бесполезно, и встретиться с такими людьми, которые вместе вряд ли соберутся по другому поводу.

– Ты уверен, что там будет достойное общество?

– Вот тебе список, предварительный, естественно. – Пижини достал из другого кармана следующий листок бумаги.

– Н-да... – Мауро пробежался по колонке со списком приглашенных и отложил бумагу в сторону. – Я примерно представляю себе это общество, и... Мне кажется, что приехать туда инкогнито – это дурной тон. Это же ярмарка тщеславия, Франко!

– А ты потерпи! – настаивал приятель. – Тоже пусти пыль в глаза, прилети с пучком девочек на своем – даже можешь мой взять – самолете, поддержи реноме. Не каждый в твои годы так кобелячится.

– Тебя это так раздражает? – Мауро скривился.

– Ничуть. Это простая зависть немолодого мужчины. Но сейчас это именно то, что нам надо. А представь, что если даже десятая часть того, что рассказывают о Зоне в Москве, окажется правдой и мы получим хотя бы частичный контроль над этим? Все эти артефакты, психомодуляционные газы, тайные знания предтеч?

– А они откуда там? – не понял посыл друга Мауро.

– Ну... Если их там нет, то мы все равно можем под их поиск получить хорошее финансирование. Пора уже прекращать тратить деньги на университетскую науку. Ты хорошо подготовил почву, когда был премьером.

– И когда? – Мауро принял решение.

– Через неделю.

Глава 10

Прапорщик Мареев Иван Андреевич скучал в окружном госпитале Московского округа. Рана уже практически затянулась, и только нудные и болезненные занятия лечебной физкультурой хоть как-то разнообразили тоскливое госпитальное бытие. За три недели лечения Иван Андреевич был знаком уже практически со всем младшим медицинским персоналом госпиталя и проникся глубоким уважением к главному хирургу, полковнику медслужбы Заманскому. Именно Заманский оперировал Мареева, когда его, израненного и потерявшего много крови, привезли из Кубинки. Уважал прапорщик хирурга еще за то, что тот, прочтя сопроводительные бумаги, поморщился, но ни разу не задал ни одного вопроса о том, где это Мареев ухитрился так пораниться. А то, что, ляпни Мареев правду, последствия будут самые непредсказуемые, прапорщик понимал очень хорошо и поэтому каждой санитарке, а особенно Верочке из урологии, подробно рассказывал, как зацепило его разлетевшимся в клочья ротором от «Крокодила», который после боя с террористами он еле дотянул до Кубинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.